

7 8

9 10

НЕДАВНО Я ПРОСМАТРИВАЛ ФОТОГРАФИИ, СДЕЛАННЫЕ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ В РАЗНЫХ СТРАНАХ: ВО ФРАНЦИИ, АНГЛИИ, США, И ТАК КАК-ТО САМО СОБОЙ ПОЛУЧИЛОСЬ, ЧТО МНОГИЕ, КАЗАЛОСЬ БЫ, НЕ СВЯЗАННЫЕ ДРУГ С ДРУГОМ СНИМКИ СЛОЖИЛИСЬ В ОДНУ ТЕМУ.

О ЧЕМ ЭТИ СНИМКИ! О ЛЮДЯХ. ИХ НАДЕЖДАХ. О ЖИЗНИ.

1

В Париже стоял солнечный день. Но зто был день траура. Французсиий народ хоронил Мориса Тореза. У ограды кладбища Пер-Лашез стояло много людей, провожавших Тореза в последний луть. Мой объектив оставил на лямять этот снимок молодого французсиого рабочего с детьми. Я лочувствовал боль рабочего, лотерявшего большого друга, учителя, вождя...

2

На другое утро мы еще раз лришли на иладбище Пер-Лашез и стояли у лортрета улыбающегося Тореза. Не хотелось, нельзя было верить, что он ушел навсегда. Живые цветы, множество живых цветов...

3

Рядом были другие ламятниии — иаменные страницы замечательной революционной истории Франции. Стена Коммунаров. Памятнии жертвам Равеисбруиа. Памятниии великим латриотам Франции, отдавшим свои жизни, иак и Торез, за народ, за его счастье.

Читаем надлись на одном ламятнике: «Под этим иамнем лоиоится лелел 13 500 французсиих мученииов, убитых фашистами в лагере Нойеигамме. Они умерли за то, чтобы мы были свободны».

4—5

Огромный обелиси Георгу Вашингтону (в городе Вашингтоне). Здесь высоко-высоко развевается государственный флаг США. Пожилая америианиа с дочкой всматриваются в этот флаг. Они с надеждой смотрят на него. Они, конечно, тоже хотят свободы, надеются на лучшее будущее. Каиое оно будет у них! Не знаем...

6

А что ждет этих веселых ребят! Сейчас они очень довольны. Воскресенье. Они иормят голубей на лужайке оиоло Белого дома, крошат себе на голову хлеб — для лтиц завтрак, а для ребят несказанное удовольствие.

Будем надеяться, что эти беззаботные ребятишии ниикогда не будут знать войны.

7

А у зтой женщины очень мало в жизни надежд. Может быть, совсем нет надежды...

8

Этот снимои сделан за Кингстоном на Темзе у Королевского дворца. Многие из англичан даже на отдыхе в глубоиом и грустноватом раздумье.

9

На обратном лути в Лондон мы заехали в Буши-ларк, чтобы лосмотреть на свободно разгуливающих оленей. Один из них лодошел и нашей машине. Поздороваться. Очень общительный олень.

10

Этот иатолический лроловедник тоже очень общительный. Он убеждает всех лрохожих в том, что спасение человечества в вере. Но его почти никто не слушает. Одна женщина, правда, остановилась. Но зто потому, что ее дочка пошла в соседний магазин.

ВРЕМЯ, ОТДАННОЕ ИСКУССТВУ

В последний четверг сентября московские школьники явились в школу без учебников и тетрадок. В этот день новое они узнавали не в классах, а в музеях, картинных галереях, на выставках, в театрах, концертных залах. Они учились смотреть и понимать живопись, скульптуру, слушать музыку. Им рассказывали, как писатели создают книги, как режиссеры и актеры ставят спектакли, как снимаются кинофильмы. Этот день целиком был отдан искусству, посвящен путешествию в прекрасный мир творчества.

Мальчишки из четвертого класса 72-й школы пришли посмотреть панораму Бородинского боя. Звучит голос экскурсовода, рассказывающий об Отечественной войне 1812 года, а в ушах у мальчишек гремят пушечные залпы, несется отчаянное: «В атаку! Ура!!!» Перед глазами у них сшибаются кони, сверкают палаши, и всем существом своим ребята с тем русским солдатом, что один врезался в гущу врагов и, сам израненный, окровавленный, крушит их налево и направо. Пусть теперь учитель истории спрашивает про войну 1812 года. Уж они сумеют ответить: сами побывали под Бородином, видели великую битву!

У третьеклассников 31-й школы — встреча с книгой, с верным другом. Один мальчик сказал: «Когда у меня заболели рыбки, я взял книгу и узнал, как их лечить». Его приятель добавил: «Из книжки я узнал, как сделать детекторный приемник. Теперь у меня есть свой приемник, только говорит он тихо».

Сегодня работники Городской детской библиотеки показывают ребятам хранилище, где на полках тесно прижались друг к другу 135 тысяч книг. Ребята видят, как по требованию читателей книги поднимают из подвала на лифте. Школьники знакомятся с литературой, которую будут читать, когда подрастут, встречаются со старыми знакомыми — книжками для малышей. Им рассказывают, как работает библиотека. За 30 лет здесь побывало 7 267 723 школьника!

К ученикам 16-й спецшколы искусство само пожаловало в гости. Артисты Московской эстрады, театров Большого, Малого, оперетты дали в школе концерт. Целых три часа здесь звучала музыка, читались стихи, скользили в танце балерины, и гремел актовый зал горячими, восторженными аплодисментами!

Сто классов побывало на экскурсии в павильоне «Космос» на Выставке достижений народного хозяйства.

— Почему в день эстетики вы пришли именно сюда? — спросили мы у шестиклассников 739-й школы.

— А вы посмотрите, как красивы спутники и космические корабли! Как прекрасна — будто существо из фантастического мира — межпланетная станция! А костюм космонавта? Может ли быть что-либо замечательнее!

Мы, конечно, не успели заглянуть в десятки, нет, в сотни уголков, где побывали в день школьника маленькие москвичи. И все же мы убедились: там, где эстетическому воспитанию придается должное значение, где к делу относятся с душой, день этот не пропал для ребят даром. Такие дни будут проводиться четыре раза в году.

Л. КАФАНОВА,
Ю. КРИВОНОСОВ

ПРИМЕТА МОЛОДОСТИ

Надир АБДУРАХМАНОВ,

Если вы никогда не бывали в Азербайджане, посмотрите на картины наших художников. Республика встанет перед вами как живая — в цветении садов Ленкорани, жарком, пропитанном нефтью дыхании земли Апшерона, стальном кружеве вышек на Нефтяных Камнях, сиянии огней Мингечаура, задорной молодости города металлургов Сумгаита, белоснежной стройности бакинских кварталов и величавой торжественности горных вершин. Наглядевшись на все это, вы поймете, почему так много у нас художников. Почему каждый из нас легко находит свою тему, свои краски и образы для рассказа об одном — о жизни родного края.

Холсты нашего старейшего мастера, народного художника Саттара Бахлул-заде — это розовая кипень садов, алое буйство маков у синего озера, бездонная глубина небес, румяный и мечтательный лик зари. Бейюк-ага Мирза-заде лица своих любимых героинь — ленкоранских женщин-тружениц — пишет похожими на цветы. Гасан Ахвердиев саму «Весну» увидел юной горянкой.

Народный художник СССР Микаил Абдуллаев, за двадцать лет творчества исколесивший всю республику и запечатлевший немало ее трудовых будней, недавно в дальних селениях Апшерона и Карабаха отыскал свои новые лиричные и мудрые картины-раздумья о переплетении древних и новых дорог жизни, о судьбах страны и народа, о родстве земли и человека.

С приходом зрелости человеку свойственно больше задумываться над смыслом жизни, истоками любви к родине.

Молодежь увлечена ритмами современности, романтикой труда, разумной мощью индустрии и властью человека над ней.

Еще в стенах вуза дипломной работой «С вахты» начал свой живописный сказ о нефтяниках Каспия Таир Салахов. Для него нет большей радости, чем писать сильных, мужественных людей в замасленных и просоленных робах, славить суровый труд добытчиков «черного золота».

Вместе с Таиром месяцами живет на нефтепромыслах Расим Бабаев, недавний воспитанник Суриковского института. Когда друзья работают на натуре, перед Таиром неизменно мольберт и краски; у Расима же чаще всего — лист бумаги и карандаш. После, в мастерской, он сменит их на кусок линолеума и резец. Линогравюра — любимая техника молодого одаренного графика. Случается, что и Расим берет в руки кисть и палитру. Однако его живописные работы никогда не повторяют созданного или увиденного другом — дополняют и продолжают.

В графически четких, лаконичных индустриальных пейзажах Бабаева — «Нефтеналив», «В воздухе», «Земля» — человека нет. Но они все равно говорят о трудовом человеке, заполнены делом его рук.

Есть еще одна примета молодости республики, о которой, пожалуй, не задумывается теперь не только молодежь, но даже те, кто постарше. Эта примета — само национальное азербайджанское изобразительное искусство.

Сегодняшние наши молодые живописцы, скульпторы, графики — всего лишь третье поколение профессиональных художников Азербайджана. Много веков наше изобразительное искусство было только прикладным народным творчеством. Не прошло еще и века с той поры, как оно, преступив запрет корана изображать живые существа, вышло на дорогу большой живописи, скульптуры, графики.

В это с трудом верилось даже нам — азербайджанским художникам, когда в мае нынешнего года открылась в столице республики выставка, посвященная 150-летию вхождения Азербайджана в состав России. Все виды станкового искусства, великолепные образцы монументальной скульптуры! Недаром наш Баку называют городом памятников!

На полотнах, графических листах, в изваяниях — современность Азербайджана, напористая, смелая, счастливая, щедрая. Но мне запомнилась и картина, рассказывающая о прошлом,— «За новую жизнь» Эйюба Мамедова. Двадцатые годы — первые годы Советской власти на азербайджанской земле. Женщины-азербайджанки сбрасывают чадру, впервые открывая лица навстречу свободе. Миллионы русских сестер помогали им.

Нашей старшей сестрой, зовущей к свободе и к счастью творчества, для азербайджанского национального искусства была русская художественная школа. Ее мастера — И. Грабарь, С. Герасимов, Б. Иогансон, М. Манизер, В. Орешников — бережно и требовательно растили молодые таланты. Сегодня, в год своего юбилея, мой народ с благодарностью называет их имена.

Т. Яшаев. ШУМИТ МОРЕ.

Г. Ахвердиев. ВЕСНА.

Э. Мамедов. ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ.

Р. Бабаев. НЕФТЕНАЛИВ.

ПОДУМАЕМ, ПОГОВОРИМ, ПОСПОРИМ

ЧЕГО МЫ ХОТИМ! * ДРУЖБА СО СТАРШИМ * ЛЕНЯ И КЛАСС * МЕЛОЧИ, МЕЛОЧИ, МЕЛОЧИ * БОГАТСТВО, КОТОРОЕ ИЗМЕРЯЕТСЯ НЕ ДЕНЬГАМИ...

Н. ДОЛИНИНА,
учительница

ДЕТИ ДО 16 ЛЕТ...

Удивительная особенность есть у педагогического дела. Спросите, например, фрезеровщика, какова конечная цель его работы. Он ответит вам с предельной точностью: такая-то деталь, такого-то размера, вплоть до микрона. Спросите о том же врача — и любой врач назовет и общую цель: чтобы люди были здоровы, и свою конкретную, сегодняшнюю: вылечить сердце, оперировать аппендицит, облегчить боль...

Казалось бы, цель воспитания ясна — формирование настоящего человека, строителя коммунистического общества. Но, во-первых, воспитанием занимаемся мы все — и фрезеровщики, и врачи, и люди всех других специальностей. Во-вторых, даже учителя, профессиональные воспитатели, немедленно заспорят между собой, едва вы попросите их конкретизировать, уточнить эту цель — формирование настоящего человека.

А что значит — настоящий человек нашего времени? Каков он? Что в нем главное? И как это главное воспитывать?

На эту тему написано и сказано так много, что, кажется, ничего уже не прибавишь. Но, я думаю, об этом будут спорить еще много лет, и каждое мнение, каждое наблюдение что-то прибавляет нашему общему пониманию проблемы.

...Мой ученик сказал мне однажды очень страшные слова: «Чего вы от меня требуете? Честности? Активности? Доброты? Скажите моему отцу, что я подлец, негодяй... Он ответит: «Это все ладно, а как у него с успеваемостью?»

Такие родители, конечно, редки. Но часто, к сожалению, приходится слышать недоуменное: «Чего вы от него хотите? Он же дисциплинированный, хороший ученик. Разве этого мало?»

Да, мне думается, мало. Воспитать хорошего ученика не так уж сложно. Воспитать хорошего человека, духовный облик которого отвечал бы высоким требованиям морального кодекса коммунизма... Но лучше я просто расскажу о том, чего я хочу от своих учеников как учительница и чего я хочу от своих детей как мать. Ведь это очень близкие вещи: отношение учителя к ученикам и отношение матери к детям...

* * *

На меня, как, видимо, и на многих читателей (судя по откликам), произвело гнетущее впечатление опубликованное в «Комсомольской правде» письмо девушки Оли, случайно познакомившейся в поезде с парнем и рассчитывавшей на брак с ним, а когда парень отверг ее, она обратилась в газету. Во всей этой истории меня заинтересовал не юноша (я не берусь судить о нем только по Олиному письму), а сама Оля с ее невероятно низкой нравственной культурой. Чему-то ее, видно, учили, раз она умеет внятно и довольно «складно», не без демагогии, составить послание в газету! Дали ей некоторую сумму элементарных познаний: эстетических, профессиональных, даже общественно-политических, судя по ее письму. Но никакого понятия о таких простых вещах, как гордость, достоинство, честь, никакого представления о любви — о том, что любовь надо заслужить, что брак не заключают во время карточной игры.

Оля — исключение, история ее — единичная, вопиющая. Но известно: слишком еще много заключается поспешных, необдуманных, «скоропортящихся» браков. К сожалению, в этом можно убедиться не только из газет. Откройте в школе последнюю страницу любого классного журнала — ту, где записаны сведения о родителях: сколько трагедий, сколько изломанных детских судеб глянет на вас с этих скромных официальных страниц!

Что же делать с молодежью, чтобы предотвратить эти трагедии? Есть очень удобный, проверенный веками выход: качать головой, вспоминать (невольно приукрашивая) свою юность и сетовать: «Да, не та молодежь пошла... Да, были люди в наше время...» Увы, этот выход, может, кому-то и облегчает душу, но не помогает нисколько.

В последние годы найден иной выход, и я принадлежу к его сторонникам: перестать замалчивать интимную сторону жизни; говорить с молодежью о любви, о браке, о семье; готовить молодых людей к жизни не только на производстве, но и в быту — заниматься так называемым половым воспитанием. Но если оно тоже превратится в один из разделов воспитательского плана, и только, если за «мероприятиями» по половому воспитанию» забудется главная цель — сделать хорошего человека коммунистического общества, тогда, конечно, Оли и Маши по-прежнему будут засыпать редакции газет и журналов исступленными письмами: «Я его люблю, он меня — нет. Что мне делать?» Или: «Я так ему верила, а он надо мной смеялся. Накажите его». Как будто можно давать советы и рецепты в любви — да еще издалека, не зная людей! Как будто можно заставить разлюбившего полюбить снова — путем наказания, или принуждения, или даже отеческого совета!

Всё давали Оле: ее учили, водили на экскурсии, в культпоходы, ей читали лекции, объясняли, что хорошо и что плохо... Одного у нее не было — и я в этом убеждена — нормальной, необходимой всякой девушке дружбы с умной взрослой женщиной — матерью, учительницей, соседкой, воспитательницей общежития, работницей того же завода. А без такой дружбы все лекции и мероприятия мало что стоят.

Все, наверное, помнят фильм «А если это любовь?». Нечто подобное тому, что мы увидели в фильме, происходит еще, к сожалению, и в школах (пусть далеко не во всех) и в семьях (чаще, чем в школах). Но вот мы у себя в школе давно забыли, как это можно запрещать или преследовать первую любовь, «прорабатывать» юношей и девушек за стремление уединиться, за записки и прочие атрибуты влюбленности. Мы стараемся, не навязываясь, тактично говорить с ребятами обо всем том, о чем много лет принято было молчать...

Но что стоили бы все наши разговоры, если бы у нас не было той духовной близости с учениками, того взаимного доверия, которое не запланируешь, которое называется не взаимоотношениями учителя и ученика, а проще — дружбой старшего с младшим. Это и есть, на мой взгляд, первое, главное, необходимейшее условие нравственного воспитания, воспитания хорошего человека: дружба со старшим.

Как и всякие человеческие отношения, такая дружба требует взаимных усилий. Но с нас, взрослых, спрос больше. От нас зависит тон, определяющий отношения. Недавно у меня был великолепный разговор с учеником, очень трудным парнишкой:

— Удивляюсь я тебе. Ну что тебя тянет к таким бессмысленным парням, как Славка, Яша, Димка... Ведь они ни о чем не думают, ничем не интересуются, им бы выпивка, карты — и все...

— Да что вы, они мне и самому надоели! Я и сам вижу, что у них интересов нет. Скучно с ними...

Через пять минут он возмущенно рассказывает мне:

— Представляете, Кольке учительница сказала: «Я тебе запрещаю дружить с Виталием. Он на

тебя плохо влияет». Ну, конечно, он не послушался. Как это — запрещать дружбу! Просто смешно!

Я слушаю его и думаю: хорошо, что я сказала: «Удивляюсь тебе...»,— а не что-нибудь более категорическое, вроде: «Не нравится мне твоя дружба...» Ответом был бы бурный протест против «давления на личность». А так мой ученик даже не заметил, что я тоже, грешным делом, «надавила» на его личность.

Вовсе я не хочу сказать, что у меня всегда хватает выдержки и такта, чтобы найти и сохранить нужный тон. Увы, нет: срываюсь, ошибаюсь, раскаиваюсь столько же (если не больше), сколько любая учительница, любая мать. Но стремлюсь к тону совета, а не приказа, доверия, а не окрика, уважения, а не запрета. И когда удается этот тон, как легко и счастливо тогда жить и работать с ребятами, как много получаешь от них!

* * *

Был у меня в классе мальчик по имени Леня. Занятный мальчик, огромный, веселый, добрый, наделенный самыми разнообразными способностями: он и музыкален, и на прошлогодней математической олимпиаде диплом получил, и обладает редким чувством юмора. Класс полюбил Леню мгновенно — и ненадолго. Уже через месяц одно его появление в дверях школы вызывало хохот, а через полгода Лене пришлось выслушать на классном собрании много неприятных слов: он не хочет думать, не умеет работать — при всех своих способностях погряз в двойках; он ни о ком не заботится, думает только о себе; у него нет самолюбия, воли, ему нравится быть шутом; он всегда и везде старается выкрутиться, оправдаться, обвинить всех, кроме себя...

На это собрание была приглашена Ленина мама. Несладко ей было слушать все, что говорили о сыне товарищи, и я смотрела на нее с сочувствием, хотя и была уверена: надо ей все это слышать, надо знать... Но вот мама попросила слова, и моя жалость испарилась мгновенно. Она не приняла критики. Она тоже выкручивалась, оправдывалась, обвиняла — совершенно так же, как сын. И одно из главных обвинений, адресованных ребятам, было такое: почему вы не обратились ко мне?

Ошарашенные ребята не сразу смогли ответить. А потом спросили: почему мы должны обращаться к родителям? Разве у Лени нет своей головы? Вот этот вопрос и я задавала Лениной маме с первого дня знакомства. Почему все, решительно все должна решать за пятнадцатилетнего парня мама? Ответ всегда был один: да что вы, да разве он сам может справиться с учением...

Даже после классного собрания, на котором стало ясно, что надо задуматься над человеческими качествами сына, мама долго еще сидела в учительской и рассказывала все то же: «Я его теперь запру. Я никуда его не пущу. В кружок ходить не будет. Сама буду сидеть возле него и смотреть, как он делает уроки...»

Парню шестнадцатый год. Он умеет танцевать твист и убедил родителей, что без дорогого черного костюма жить никак невозможно. Это он умеет, а больше — ничего! Ни работать, ни учиться, ни дружить, ни любить, ни бороться, ни отвечать за что бы то ни было... Нужно ли объяснять, почему? Ленина мама так и не поняла, что, запретив что-то сыну, она нисколько не поможет ему. Он останется таким же беспомощным и неумелым нравственно, как и раньше: ведь еще никогда, ни разу она не доверила ему ответственности хотя бы за себя самого!

Перевели ко мне в класс мальчика Толю. Назавтра пришла его мама и сообщила, что Толя очень тихий, ни с кем не дружит, никуда не ходит, в кино бывает только с бабушкой, дома за ним следят изо всех сил, а те неприятности, за которые его наказали переводом в другой класс,— это все влияние дурных мальчишек. Я больше ничего не знаю о Толе. Но я видела этих мальчиков, которые ходят в кино с бабушкой. Едва бабушка отвернется, они удирают на волю — и неважно ведут себя на этой самой воле! Потому что не приучены к ней — вот почему!

Я видела этих мальчиков — и одного из них, окончив школу под неусыпным, бдительным оком мамы, поступив в институт под тем же старательным оком, находится сейчас под следствием за то, что проломил голову своему бывшему соученику. Мама не приучила мальчика ни обдумывать свои поступки, ни отвечать за них — и вот результат: едва выскочив из-под маминого крыла, парень совершает преступление. Он плачет, он кается, он не думал, что так получится, а хороший человек лежит в больнице, и снова мама того, кто ударил, пытается прикрыть своего мальчика, защитить, объяснить...

Дорогие мамы сыновей! Я тоже мать сына. И знаю, как трудно, как страшно доверить своему мальчику его собственную жизнь. Но без этого он никогда не станет мужчиной — поверьте мне, это я знаю уже как учительница!

* * *

Вот самый маленький, самый элементарный коллектив — семья. Заботливые папа и мама покупают детям апельсины и яблоки, дети съедают их, привыкая постепенно и мысли, что лучшее — им, самое вкусное — им. Так уж положено. Дети стали взрослыми. Мама приносит яблоки или конфеты, кладет их в вазу. Через час ваза пуста. Ошарашенные родители спрашивают: «Как же вы все съели? Почему не подумали о нас?» Дети (они вовсе не плохие ребята) и сами удивлены: действительно, как это не подумали?

А кто приучил их думать, заботиться о других — даже самых близких людях? В семье не приучали. В школе... говорили, конечно, о коллективизме, но мелочами не занимались. А как много значат эти самые мелочи! Известный пример — класс едет за город. И даже сейчас, до сих пор, есть учителя, допускающие, чтобы дети ели свои завтраки по углам, каждый — свое: один — побольше и повкусней, другой — попроще и поменьше. Я знаю учительницу, которая при поездке в другой город — не на день, на неделю — не потрудилась собрать у ребят деньги, не поинтересовалась, сколько у кого этих самых денег. Какой вред могут принести формирующемуся характеру эти самые мелочи, кто измерит этот вред!

Я знала молодую семью, которой жилось на первых порах

УСПЕХ ОБЕСПЕЧЕН МУЖЕСТВОМ

Над Крымом низко идет двухмоторный самолет. Вдруг у подножия горы воздушный поток, словно могучая рука, подхватывает его, подбрасывает...

Летчик-испытатель Константин Андреевич Романов выравнивает самолет и, набирая высоту, уходит от опасного места.

Рядом с пилотом — кандидат географических наук Михаил Семенович Шелковников.

— Давайте повторим исследование.

Летчик снова ведет самолет к подножию горы...

Так работники Государственного научно-исследовательского института гражданской авиации изучают природу воздушных вихрей, которые порой возникают в горах, определяют поведение самолетов и вертолетов.

В исследованиях участвуют также доктор географических наук Петр Алексеевич Воронцов, старший инженер Николай Иванович Трусинов и пилот вертолета летчик-испытатель Георгий Павлович Дробышевский.

Обычно опасные места отыскивает на своем самолете Романов. Вместе с Шелковниковым они проводят первые исследования, а потом прилетает вертолет Дробышевского. Вихри, как правило, возникают на малых высотах, и потому они бóльшую опасность представляют для вертолетов. Бывало так, что машину Дробышевского подбрасывало вверх на 300 метров и на 300 метров бросало вниз.

— Наша экспедиция,— рассказывает Михаил Семенович Шелковников, — определила природу возникающих в горах воздушных потоков, составила рекомендации полета над горами и пилотирования летательных аппаратов, попадающих в эти опасные условия. Успех нашей экспедиции во многом был обеспечен мужественной работой опытнейших летчиков-испытателей Романова и Дробышевского.

А. ГОЛИКОВ

В МОРЕ — СТАЛЬНАЯ ЗМЕЯ

За кормой корабля не рыбачья сеть, а километровая стальная нить труб.

СРЕДИ ДРУЗЕЙ

Георгий Маланиевич Турманидзе в гостях у Богуслава Дивиша.

На стадионе в Тбилиси готовились к международному турниру баскетболистов. Было жаркое лето, и после тренировки спортсмены направились к воде освежиться.

Пришел на речку и баскетболист из сборной Чехословакии Богуслав Дивиш, член спортивного общества «Руда гвезда». Не думал Богуслав, что это купание может стать для него роковым. Дивишу нельзя было купаться после того, как его тело восприняло изрядную порцию кавказских солнечных лучей: как оказалось, он был предрасположен к редкому и тяжелому

трудно. И муж в одиночку ходил подкармливаться к маме. Мама принимала его, кормила одного, без жены, сегодня, и завтра, и послезавтра. Через несколько лет этот молодой человек, окончив институт, отказался помогать матери. Соседи ахали: «Вот каков! Она ему последнее отдавала!» Я не оправдываю юного мерзавца. Я хочу только сказать, что мама сама вырастила его таким.

Семья — и школьный класс! Казалось бы, такие разные вещи. А в сущности, они не так уж далеки друг от друга. И не верю я, что можно быть внимательным дома и невнимательным в классе — случайностей здесь не бывает.

Я ездила со своим девятым классом на экскурсию в Таллин. Мы провели вместе пять суток, и за это время я узнала ребят лучше, чем за семь месяцев, проведенных с ними в школе. Многое меня порадовало в ребятах. Они все — или почти все — умеют делиться последним, умеют думать друг о друге, когда речь идет о серьезных вещах — болезни, горе, труде. Но мелочи... Они начались еще на перроне в Ленинграде. Я втаскивала в вагон тяжеленный рюкзак на глазах пяти пап, стоявших на перроне. Никто из них не пошевельнулся, чтобы мне помочь, а один еще нашел самое подходящее время, чтобы начать разговор о нашем возвращении. Что же удивляться, что мальчишки мои в вагоне тоже «не заметили» меня с рюкзаком. Не волнуйтесь, папы! Это хамство вылетает из мальчиков быстро — и на обратном пути они уже несли мои вещи и вещи девочек, а выходя из вагона в Ленинграде, только и смотрели, кому бы помочь. Но почему вы до сих пор не научили ваших ребят и не научились сами помогать людям?

Еще мелочь. По вечерам мы устраивались на матах и разговаривали, пели, читали стихи. Ребятам это нравилось. Но я была вынуждена прекращать эти вечерние бдения за два часа до отхода ко сну: меньше двух часов не уходило у моих ребят на то, чтобы раздеться, умыться и лечь. Почему? А как же! Кто-то уже лег, а другой только собирается, а третий в это время в разгаре увлекательнейшего разговора, а четвертый как раз пришел в веселое настроение... Ну, дети еще, скажете вы. Нет, это не оправдание. В пятнадцать лет человек обязан думать о тех, кто рядом с ним, и если один спит, а другой в полный голос поет песни, из этой мелочи вырастает эгоистический, скверный характер!

И не одна еще понадобится поездка, чтобы воспитать умение помнить, что вокруг тебя люди,— то умение, которым обладают некоторые девочки и мальчики, те, кого воспитала умная и внимательная семья!

Из этого ведь умения вырастает другое, еще более важное: бросить свои дела и пойти на помощь другому человеку или другим людям — не за спасибо, не за популярность, не за почести или деньги, а потому, что иначе невозможно, иначе совесть не позволяет!

А вырастает все это из мелочей...

* * *

«Мне жилось трудно, я хочу, чтоб моим детям было легче»,— так часто говорят родители. Ну что ж, я готова согласиться с ними. Я тоже хочу, чтобы моим детям жилось лучше. А легче живется хорошим людям. Так мы вернулись «на круги своя».

Нет, не будет легко в жизни тому Толе, которого перевели в наш класс и о котором я до поездки в Таллин знала только, что он даже в кино ходит с бабушкой. Не будет ему легко, потому что пять суток в потрясающем городе он протомился в поисках партнеров: «сыграть бы во что-нибудь, или посидеть в ресторане, а все бегают по городу и его окрестностям,— чего нашли интересного?»

Не будет легко и девочке, заметившей в Таллине один магазины и снедаемой муками: всего не купишь!

Человеку духовно нищему не живется легко. Я хочу, чтоб мои дети выросли богатыми,— и это богатство измеряется не деньгами и не тряпками. Я желаю им другого богатства — наслаждения красотой, дружбой, любовью, спокойной совестью, умения думать о жизни, заботиться о людях и испытывать их заботу... Я верю, что с таким богатством легче жить, легче строить коммунизм.

Ленинград.

Искендер Искендеров, автор проекта подводного газопровода.
Фото Г. Копосова.

Корабли выходят в Каспийское море. Путь недальний — от Апшерона к Жилому острову, всего семнадцать километров. Но нелегкий путь: на буксире у «Эльбруса» необычный груз — километровая плеть стальных труб, звено подводного газопровода.

На Жилом открыто месторождение газа. Газ не нефть, и танкером его на материк не перебросишь. Специалистам азербайджанского института Гипроморнефть пришлось немало поломать голову, чтобы найти выход из положения. Построить газопровод? Но делать это на дне морском еще не научились. Искендер Искендеров, руководитель лаборатории подводных трубопроводов, предложил интересное инженерное решение. Вести все работы на плаву! На берегу сваривается одна секция. Несколько десятков понтонов обеспечивают ей плавучее состояние. И вот стальная змея погружается в воду. Несколько часов хорошего ходу — и голова ее выползает на другом берегу. Дальше — сложнее. Надо погрузить хвост на дно, чтобы в шторм море не разметало трубу на части, пока подоспеет следующая секция. А тогда первый отрезок поднимают на поверхность и на плаву сваривают его со вторым. Удвоенная нить с удвоенной осторожностью опущена на дно. Буксир возвращается на Апшерон.

И снова выходят в море строители...

Газопровод построен. Первый опыт удался, подтвердив расчеты проектировщиков. Он будет использован при сооружении новых подводных коммуникаций.

Вл. КРУПИН, собкор «Огонька»

БАБУШКА СЕГОДНЯШНИХ ГИГАНТОВ

61 год назад газета «Северный Кавказ» сообщила, что к пуску готова первая в России гидроэлектростанция «Белый уголь», сооруженная на реке Подкумок, близ города Ессентуки. Несколько позже следовало подробное описание торжества по поводу начала эксплуатации электрического трамвая в Пятигорске и электрического освещения в городах-курортах на Минеральных Водах.

Все это происходило в то время, когда трамвай даже в Москве был диковинной, а большинство улиц освещалось газовыми фонарями.

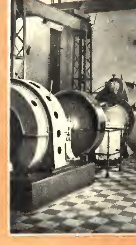
Перед проектировщиком первой гидроэлектростанции инженером С. М. Фридманом стояла тяжелая задача: река Подкумок отличается чрезвычайно неустойчивым режимом.

Чтобы обуздать реку, нужно было построить мощную, а следовательно, и дорогую плотину. С. М. Фридман пошел по другому пути. Он решил в двух километрах от станции соорудить банкетную плотину со свободным переливом через нее паводковых вод. Такая плотина повышала уровень воды в реке. От плотины в сторону станции вырыли канал, шедший вдоль берега реки. Таким образом, русло Подкумка по течению все время опускалось, а русло канала оставалось горизонтальным, так что у станции разность уровней воды в реке и канале достигала 16 метров.

Затем по наклонному металлическому трубопроводу, который соединил канал и русло реки, устремилась вода, предварительно прошедшая через лопасти двух быстроходных турбин.

За шестьдесят лет эта крохотная по современным масштабам станция дала 150 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

А. МИХАЛКОВ

Машинный зал электростанции «Белый уголь».

кожному заболеванию. И Богуслав действительно занемог. Болезнь сразу приняла угрожающий характер.

О болезни чешского спортсмена узнали в Министерстве здравоохранения СССР. В Тбилиси по первому требованию врачей отправлялись самолетами остродефицитные медикаменты. Туда вылетел известный советский дерматолог Александр Васильевич Брайцев. Александру Васильевичу и грузинскому врачу Пату Ивановичу Мголабишвили удалось спасти Богуслава.

— А положение, надо сказать, было тяжелейшее,— рассказывал мне Александр Васильевич.— Прилетел в Тбилиси и вижу: в палате инфекционной больницы лежит без сознания парень. Пульс едва прощупывался. Консилиум установил, что у больного экссудативная многоформная эритема тяжелого течения. Медики называют ее синдромом Стивен-Джонсона.

Синдром Стивен-Джонсона! Редко встречающаяся, малоизученная болезнь вирусного происхождения. Она поражает весь организм человека. В большинстве случаев человек погибает от общего заражения крови.

Врачи, лечившие Дивиша, испробовали всякие средства, в том числе и мази, которые изготавливает старейший грузинский врач, ныне пенсионер Г. М. Турманидзе.

Прошло полтора месяца, и Дивиш покинул больничную палату вполне здоровым.

— Как вас благодарить?— говорила врачам, сестрам, санитаркам Мария Дивиш, жена Богуслава, которая прилетела из Чехословакии в Тбилиси.

...Пардубице. Один из промышленных центров Чехословакии. Город, знаменитый на всю страну своим национальным лакомством — пряниками, как у нас, скажем, Тула или Вязьма.

Небольшой уютный домик. За столом двое: пожилой человек с добрым, усталым взглядом и краснвый вихрастый парень. Это и есть Богуслав Дивиш и его гость — врач из Тбилиси Георгий Малакиевич Турманидзе.

— Пять дней, проведенных у Дивишей,— рассказывал Георгий Малакиевич, — на всю жизнь останутся в моей памяти. Мне было очень приятно сознавать, что симпатии, которые выражали мне, советскому врачу, относятся ко всему нашему народу.

Б. ПЕРЕЛЬМУТЕР

После выступления «Огонька»

Истории, ждущие продолжения

Вл. РУДИМ

ДВЕ ЭВАКУАЦИИ

Репортаж «Давшие жизнь, спасшие жизнь», опубликованный в «Огоньке» № 10 за 1964 год, вызвал оживленные отклики читателей, напомнил о других историях, пережитых, прочувствованных, услышанных. Но прежде чем рассказывать об этих историях, прочтем письмо из Батуми от Григория Михайловича Ломадзе. Читатели, вероятно, помнят, что в одной из глав репортажа они познакомились с Марией Филипповной Личко: в грозную военную годину она приютила мальчика Витю Ломадзе, у которого отец сражался на фронте, а мать схватили фашисты. Григорий Михайлович горячо благодарит Марию Филипповну. «С помощью «Огонька» — пишет Г. М. Ломадзе,— наша семья смогла разыскать дорогого нам человека Марию Филипповну Личко. Теперь мы установили с нею дружескую связь. Мы пригласили Марию Филипповну к нам в гости, она обещает приехать в Батуми».

Теперь — о новых историях, требующих поисков, ждущих новых писем. Откликнулась на репортаж «Давшие жизнь, спасшие жизнь» и Надежда Максимовна Кийченко из поселка К. Либкнехта.

Вот о чем поведала Надежда Максимовна. Война. Эвакуация к Волге, в Черкышиновский район. Когда приблизились гитлеровцы, «снова была объявлена эвакуация». Только теперь с семьей Кийченко ехали еще две девочки — Нина и Ира Панковы. Дело в том, что в день эвакуации отец сестер Георгий Панков был вызван в военкомат, и Кийченко взяли девочек с собой. В дороге Ира потерялась. Нина же не расставалась с новой семьей, жила с нею до 1963 года (в том году она умерла, оставив двух крошек — Ирочку и Свету). Надежда Максимовна давно разыскивает Георгия Васильевича Панкова. Теперь, думается, их письма встретятся в редакции.

ПРО РИТУ, ПРО СЕРГЕЯ

«Сейчас напишу все о себе, что слышала от соседей,— так начинает свое письмо Рита Алексеева из поселка Молодежный, Мурманской области. — В город Остров, Псковской области, прибыла партия, которую фашисты гнали в Германию. Среди них была я, моя сестра Лида и братишка (имени не помню). Они были старше меня, лет 9—10, а я тогда только начинала ходить или от голода перестала ходить».

Дальше из письма узнаем: Рита, по всей вероятности, из города Павловска, Ленинградской области. Отец был на фронте, мать погибла от вражеской бомбы, когда шла полоскать белье на речку. Риту вместе с братом и сестрой взяла к себе жительница города Остров Наталья Ивановна Иванова. Она заменила им мать, растила их в трудное время. Возможно, что Иванова имела более точные сведения о детях, но она в 1953 году умерла. Рита пишет: «Вторая мама меня так полюбила, что боялась отдать кому-нибудь, и поэтому не заявляла обо мне никуда. А когда пошла в роно хлопотать свидетельство о рождении (это было уже в 1950 году), ей сказали, что в роно приходил мужчина, разыскивал свою дочь Риту. Может, это был мой папа?»

Кто знает, возможно, то был отец Риты. Очень хочется надеяться, что он откликнется.

Еще одна необычная судьба, где тоже вся надежда на читателей. Короткое письмо пришло в «Огонек» издалека, из французского города Дуэ. Вот оно: «Может быть, вас удивит это письмо из Франции. Меня зовут Сергей Кордрон, но моя фамилия могла быть и другой. Дело в том, что моим отцом был русский — Григорий Степанович Чернов. Я пишу «был», потому что отец умер. Кажется, он до войны жил в Узбекистане. А во время войны сражался в рядах Советской Армии, его воинское звание — лейтенант. Он попал в плен, фашисты переправили Чернова в лагерь во Францию. Потом он бежал из плена к французским партизанам. Григорий Чернов здесь познакомился с француженкой. Я их сын. Хочу вас попросить: помогите мне разыскать родственников моего отца. Мне очень хочется знать, где они, кто они, хочу с ними познакомиться».

Кто такой Григорий Чернов? Где сейчас его боевые соратники по партизанскому отряду? Ну и, конечно, мы ждем писем от родственников, о которых спрашивает Сергей Кордрон.

ЭТО БЫЛО В ДНЕПРОПЕТРОВСКЕ

...Гитлеровцы ворвались в квартиру Гончаровых, выгнали всю семью на улицу и повели в лагерь. Ежедневно на рассвете из лагеря уводили партиями на расстрел. Настал день, когда вместе с другими вывели и семью Гончаровых. Поле. Небольшая роща. Хриплая команда: «Стой!» И тут Гончаровы сразу бросились бежать к роще. Вдогонку раздались автоматные очереди. Спастись удалось только одной — 14-летней Марусе. Она бежала, падала, снова бежала. Убедившись, что ее не преследуют, остановилась. Куда теперь идти? Домой нельзя. К знакомым? Да, к Марии Семеновне. Она была самой хорошей, самой доброй. Семья у Марии Семеновны Рамковой большая: больная мать, трое детей. Теперь детей стало четверо. Маруся — самая старшая. Потянулись тревожные дни. Сверстниц Маруси, особенно неработающих, отправляли в Германию. Мария Семеновна пошла на биржу, присмотрелась к тем, кто там работает, и наконец обратилась к человеку, который внушал доверие:

— У меня живет девушка, сирота, из детдома. Ей шестнадцать лет. Нельзя ли устроить ее на какую-нибудь подходящую для нее работу и дать ей документы?

Так у Маруси Гончаровой появились документы. Через некоторое время Мария Семеновна Рамкова переправила Гончарову в село.

Сейчас Мария Павловна Гончарова живет в том же Днепропетровске, работает диспетчером в пожарной части. Она-то и написала нам о Марии Семеновне Рамковой. И еще о другом человеке, тоже спасенном Рамковой. Это еврейский мальчик Исаак Ботвинников. Его родители тоже были расстреляны гитлеровцами. Исааку нужно было во что бы то ни стало достать русский паспорт. Долго думала над этим Рамкова и наконец решила пойти на биржу к тому же человеку. Увы, его уже не оказалось там. О своем огорчении рассказала Вере Хитько — старой и верной подруге. Хитько познакомила Марию Семеновну с «дядей Петей». Фамилию не назвала.

— Придет время, ты узнаешь все, а сейчас не имею права называть его фамилию.

«Дядя Петя» принес русский паспорт. Но полиция все же забрала Ботвинникова, арестовала Рамкову. Вот как описывает М. Гончарова пребывание в полиции Марии Семеновны: «Следствие вел предатель нашего народа некий Пашков. Он бил Марию Семеновну, вынуждал ее признаться в том, что она дала паспорт мальчику. Но эта стойкая женщина не сказала фашистам ни слова. Следователь Пашков грозил расстрелять ее и всю семью».

Вскоре удалось освободить Марию Семеновну: Пашков выпустил ее, получив крупную сумму денег.

Мария Семеновна Рамкова по просьбе «дяди Пети» искала радиолампы для приемника. На нее был написан донос в домоуправление, но управдом пришел к Рамковой и сказал: «На тебя подано заявление. Будь осторожна». Вскоре управдом был арестован фашистами и, как предполагают, расстрелян. Фамилию управдома, к сожалению, Рамкова забыла. Может быть, он остался жив и откликнется? Может быть, прочтет эти строки и отзовется «дядя Петя»? Может быть, мы узнаем все о судьбе комсомолки Веры Хитько, которая тоже была арестована?

НОВИНКИ МИРОВОГО ЭКРАНА

БОЛГАРИЯ

В Варне состоялся 4-й фестиваль болгарских фильмов. Премией за лучшую режиссуру награжден постановщик картины «Инспектор и ночь» Рангел Вылчанов, фильмы которого «На маленьком острове» и «Солнце и тень» демонстрировались в Советском Союзе. Премию за исполнение мужской роли получил актер Георгий Калоянчев. На снимке: кадр из фильма «Инспектор и ночь».

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

На международном кинофестивале в испанском городе Сан-Себастьян премию «Серебряная раковина» получил чехословацкий фильм «Лимонадовый Джо». В этой чрезвычайно динамичной комедии, пародирующей американские «вестерны», снималась молодая чешская актриса Ольга Шоберова.

РУМЫНИЯ

Молодой румынский писатель и кинорежиссер Франчиск Мунтяну («Солдаты без мундиров» и «В небе нет решеток») в своем новом фильме «Возраст любви» обращается к современности. Эта картина — здесь вы видите кадр из фильма — посвящена молодежи. Она шла на фестивале румынских фильмов в Москве.

ИТАЛИЯ

Известный итальянский актер Марчелло Мастроянни снова отказался от приглашения сниматься в Голливуде. Сейчас в Италии с большим успехом демонстрируется кинокомедия «Человек с пятью шарами», в которой талантливый актер исполняет главную роль.

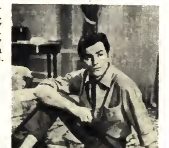
США

«Корабль дураков» — так называется новый фильм прогрессивного американского режиссера и продюсера Стэнли Крамера, автора картин «Пожнешь бурю» и «Суд в Нюрнберге». В новом фильме действие происходит в начале 30-х годов, после захвата фашистами власти в Германии. Заняты в картине популярные актеры Вивьен Ли и Гейнц Рюман, а также Симона Синьоре — вы видите ее на снимке.

ФРАНЦИЯ

Тема грязной войны в Алжире по-прежнему продолжает волновать французских кинематографистов. Артист Ален Делон, широко известный советскому зрителю как исполнитель роли Рокко в фильме «Рокко и его братья», решил финансировать постановку картины «Смерть волка», разоблачающей бесчинства оасовцев в Алжире. Он же исполнитель главной роли.

РАССКАЗ

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Боль в правом виске не утихала. От ее острых толчков подергивалась щека. Не глядя в глаза летчику, Корчевой улыбнулся:

— Ну и ладненько!

Улыбка у Корчевого получилась вымученная, ему стало стыдно за себя, и он торопливо протянул руку.

— Ступайте отдыхать. Завтра мы этого типа обязательно найдем. Авиация восторжествует.

— Какое уж там торжество, Владимир Михайлович! — Пилот поднялся и виновато повертел шлем.— За полдень перевалит — и пурга. Не Каракумы, а прямо Антарктида. Спокойной ночи!

Он ушел, тяжело волоча по ковру размокшие унты. Дверь за ним захлопнулась, и начальник экспедиции, от которого никто никогда не слышал ни одного бранного слова, громко выругался. Ругань отрезвила Владимира Михайловича.

«Совсем докатился! — поморщился он и потер ладонью лысину.— Действительно, похоже, что я сгорел. И главное, из-за кого?..»

Он невольно посмотрел в угол и ясно вспомнил, как несколько дней назад дверь осторожно приоткрылась и в его кабинет бочком проникло странное существо. Щупленькое, в демисезонном пальто, надетом на тельняшку, оно раскачивало длинной шеей, к его ногам жалась крохотная собачонка, похожая на комок грязной ваты. Видавший виды Корчевой растерянно спросил:

— Откуда?

— Мариуполь.

Собачонка немедленно тявкнула, и ее хозяин тонким голоском прикрикнул:

— Адлер! К ноге! Извиняюсь, всегда волнуется при имени родной пенаты. Шофер третьего класса Капитон Семенович Ухов.

Перед Корчевым появилась замусоленная книжка, и последовало торопливое объяснение:

— Дырки на талоне — формализм милиции.

И вот впервые за много лет работы Корчевой поступил сгоряча, не так, как должен поступать руководитель большой экспедиции. Он обрадовался даже такому не внушающему доверия шоферу: три новых грузовика стояли без дела, а в партии Прахова кончался бензин, над выполнением месячного плана нависла серьезная угроза.

— У нас милиция отсутствует,— беззаботно сказал он Ухову.— Пойдемте со мной.

Он привел Ухова к главному механику гаража и приказал проверить его способности. К вечеру главный механик доложил:

— Баранку вертеть может. Педали не путает. В моторе знает, где свечи.

— До Прахова бензин довезет?

— А чего там? — почесал голову механик.— Машина новая, дорога прямая. Дотянет.

— Хорошо. Зови его сюда.

Ухов внимательно выслушал, по какой колее двигаться в лагерь Прахова, минут десять водил ногтем по карте и подробно расспрашивал о приметах древних крепостей, служивших ориентирами. Потом во дворе базы собственноручно проверил крепления бочек с бензином, посадил в кабину лохматого Адлера и укатил в пески.

До лагеря Прахова грузовики обычно добирались за двадцать часов. Ухов не прибыл туда и сегодня, на седьмые сутки...

Случилось несчастье, и в этом несчастье виноват только он один, Владимир Михайлович Корчевой. За двенадцать лет его работы в этих местах первый человек пропал в пустыне. Если бы сейчас было не начало декабря, а лето, можно бы давно прекратить поиски, сдать заместителю дела и честно явиться к прокурору. Но пронизывающий, перемешанный с мокрой порошей ветер относится к людям куда менее беспощадно, чем солнце, и слабая надежда до этой ночи не покидала Корчевого. Уже на третий день он отправил на поиски два своих самолета и вертолет, попросил помощи у соседей; с рассвета до сумерек над барханами гудели моторы.

Радисты в далеких партиях дежурили, не снимая наушников, по колее к Прахову раз тридцать прошли машины, сворачивали на каждый подозрительный свежий след, шоферы долго и требовательно палили в небо из охотничьих ружей.

Ухов не находился...

«И не найдется,— тоскливо вздохнул Владимир Михайлович.— Потерял колею, заблудился в пургу, и, наверно, забарахлил мотор. Закоченел, уснул, а остальное довершили забежавшие из Казахстана волки...»

Представив жалкую фигуру, занесенную снегом и песком, скулящего рядом Адлера, Корчевой поймал себя на мысли, что ничего, ровным счетом ничего не знает о незадачливом шофере. Он не успел его оформить даже через отдел кадров. Ухов из Мариуполя — и все.

Странно, но именно из-за того, что Корчевой не мог думать про Ухова конкретно, он вырастал в его глазах в некоего человека вообще, в человека с большой буквы, и сознание собственной вины увеличивалось.

«Если бы он вошел,— расцеловал бы его, подлеца, от радости, не побоялся бы публично покаяться в опрометчивом поступке».

Он встал, с хрустом потянулся, расправил плечи, и вдруг его большие руки упали вдоль туловища.

Его обожгло недоброе слово: суд!

Владимира Михайловича Корчевого будут судить. Невероятно, но факт ближайшего будущего. Его надо судить. Судить за плохую организацию безопасности работ. Это только писатели радуются, когда человек пропадает в экспедиции,— для них это сюжет, находка! Сквозь горящую тайгу или по колено в снегу по тундре бредут обросшие бородами люди. Романтика! Всем интересно.

Интересно всем, кроме начальника экспедиции. Ему от таких приключений очень скучно. Геологические изыскания не война. Люди не должны оставаться без консервов и курева, а гибнуть им и вовсе ни к чему. Примерно похожие слова он услышит от районного прокурора. Прокурору тоже наплевать на романтику.

Боится ли он суда?

«Опыта нет! — горько хмыкнул Владимир Михайлович.— Других под суд привык отдавать. Суда я, конечно, боюсь. Но ни один прокурор, ни один судья Ухова к жизни не вернет и не поймет, как и я не понимаю, что за блажь ударила мне в голову: подозрительного, хлипкого шоферишку погнать без провожатого в пустыню...»

Корчевой прошелся по кабинету. Метель усиливалась, твердая пороша тоненько звенела на густой синеве оконных стекол, со злым присвистом стонали антенны на мачтах, упрямо не сдавался пурге мерный стук движка передвижной электростанции.

За окном жила обычной ночной жизнью центральная база экспедиции. Маленькая, мирная крепость, построенная им на краю пустыни. Она, кажется, уже лишилась своего коменданта и начинает существовать самостоятельно. Без Владимира Михайловича Корчевого...

Первой про суд узнает Антонина Ильинична. Тридцать лет жена и полгода бабушка. Она в Ленинграде, у старшего сына нянчит внучку. Свои дети росли в палатках, а с внуками не получилось: два сына, и оба не позарились на отцовскую профессию.

Старший — физик, обещает стать кандидатом наук. Второй учится в консерватории и рассчитывает на славу не меньшую, чем у Шостаковича. Что это будет за Шостакович, у которого отец сядет в тюрьму за убийство? Не преднамеренное, не из-за угла, но все равно убийство — человек погиб из-за легкомысленного распоряжения.

Корчевой — и легкомыслие! Вот уж в чем его ни разу не обвиняли!

Критиковали его по пунктам, привычным для всякого начальника: бюрократия, формализм, местничество. Критиковали справедливо и несправедливо. И покаянные речи он держал искренние и неискренние.

Помнится, в свое время на совещании в Москве один руководящий товарищ сверкнул на него очками и, потрясенный, объявил, что Корчевой излишне пользуется юмором в разговорах с подчиненными, роняет свой авторитет. Ох, и признавал же он тогда свою вину! Горячо обещал задушить проклятый юмор в корне, употреблять его только в серьезном виде и в необходимых для производства масштабах...

Производство... Вот оно, на огромной, во всю стену, карте. Район его экспедиции. Двенадцать лет назад здесь было настоящее белое пятно.

В первый год пользовались топографическими картами конца девятнадцатого века, времен съемок полковника Глуховского. Полковник, возможно, был добросовестный человек, но всего не усмотрел. Зачастую вместо возвышенности натыкались на впадину. Шоферы без проводников боялись отъехать на десять километров от базы, шалели от солнца, вскакивали в холодном поту от обыкновенного скорпиона.

А сейчас на карте густо рассыпаны разноцветные кружки. Разный у них цвет, и обозначают они разное: действующие колодцы для отар, нефтяные вышки, будущие рудники и шахты. Во всем этом заслуга многих экспедиций. Но он сюда пришел первым. Карта с каждым годом становится точнее и подробнее, проникает все в новые глубины, и впереди работы хватило бы на полжизни...

Помешал Капитон Семенович Ухов, уроженец города Мариуполя...

До суда состоится партсобрание, и Владимира Михайловича Корчевого исключат из партии. Стаж с одна тысяча девятьсот тридцать девятого года, три обыкновенных выговора, один строгий. Все сняты. Про выговоры, пожалуй, не вспомнят: любителей ворошить прошлое стало меньше. Но поговорят откровенно, может быть, впервые выскажут беспощадную правду о своем проштрафившемся начальнике.

А что о нем думают? Любят его в экспедиции, уважают или просто боятся? Сегодня надо попробовать взглянуть на себя со стороны...

Владимир Михайлович мерял шагами кабинет от стенки до стенки, за окном по-прежнему звенела метель...

Начинать «взгляд со стороны» нужно с отрицательных качеств.

За что его боялись?

Он, случалось, бывал чересчур требовательным к людям, рубил сплеча, не разобравшись до конца, обижал невиновных. Так, например, он обидел молодого инженера-механика Вовченко. Зеленого мальчишку обвели вокруг пальца и всучили вместо новых тщательно выкрашенные полуразбитые движки. Вовченко добросовестно провез их на баржах по Аму-Дарье, заботливо укрывал брезентом, спал возле них, а Корчевой его выгнал.

Кстати, от этого Вовченко и привилось понятие о грозном «синем карандаше».

Акт о бракованных движках был прочитан, Владимир Михайлович достал из нагрудного кармана карандаш, и Вовченко, вздохнув, направился к двери.

— Вы куда? — остановил его Корчевой.— Я вам разве сказал свое решение?

— А зачем? — удивился молодой инженер.— Вы же вынули синий карандаш. Все ясно!

Присутствовавшие в кабинете невесело хохотнули. Он действительно писал резолюции об увольнении только синим, с шестью гранями, увесистым карандашом.

С тех пор в экспедиции не спрашивают провинившегося, что сказал начальник. Интересуются коротко:

— Черканул синим?

Никто раньше не обращал внимания на его синий карандаш. А Вовченко, стервец, в тяжелую для него минуту не растерялся, подметил с юмором. Юмор в людях Корчевой ценил. Потом он хотел вернуть Вовченко, но махнул рукой: молодой, не пропадет!..

Боялись «синего карандаша», боялись и «парилки».

При серьезных неполадках появлялся Корчевой и вежливо спрашивал:

— Запоролись? Придется отпаривать...

Не повышая голоса, с ядовитой улыбочкой Владимир Михайлович советовал широкоплечему буровику отдохнуть от трудов праведных, съездить за счет профсоюза в Кисловодск. Могучего буровика пробирал холодный пот, а его друзья по бригаде немедленно включались в разговор, помогали выбирать наиболее подходящий, по их мнению, курорт.

Геолога, не справившегося со съемкой, он вызывал в кабинет и с самым серьезным видом советовал следующий отчет написать в стихах, а стихи послать в редакцию толстого журнала.

Умным «парилки» приносили пользу, дураки обижались и копили злость, бездельники вовремя сматывали удочки...

И нечего возводить напраслину: из-за пустяков он не придирался. Здесь и стирается невидимая грань между боязнью и уважением.

Уважали его и за постоянную заботу о нуждах изыскателей. Он сам слышал, как радист хвастался коллеге из соседней экспедиции:

— Бутерброд состоит из хлеба и масла. Истина, известная младенцам. Только твой шеф ее забыл, а наш помнит...

Но вот насчет любви...

И что это за штука — любовь подчиненных? Тут Ромео и Джульетта для мерки не годятся. От избытка чувств к начальнику жизнь самоубийством не кончают.

Ну, а если ради начальника бросаются на нож? Было и такое в пятьдесят третьем. И финку, предназначенную для Корчевого, получил в левое плечо гидрогеолог Женя Зайцев. Одного бандита они скрутили лямками от рюкзака, второй удрал. В милиции Зайцева на скорую руку перевязали, и он, по-детски всхлипывая, сказал Корчевому:

— Я больше не буду...

Владимир Михайлович оторопело посмотрел на почерневшие от крови бинты на плече Зайцева. Он не сразу понял, что гидрогеолог кается за не сданный в срок отчет о дебитах опытных откачек. За час до нападения Корчевой устроил Зайцеву «парилку» первой категории...

Может быть, в ту ночь он и ощутил любовь к начальству?

Далеко-далеко сейчас Женя Зайцев. Где-то в Сирии ищет воду. Никого из тех, с кем он пришел сюда двенадцать лет назад, в экспедиции не осталось.

Никого, кроме Егора Макаровича Голубенко. Их всего-навсего два ветерана — начальник и рядовой шофер. Впрочем, определение «рядовой» к Егору Макаровичу не подходит. Он и раньше выглядел хозяйственным старшиной-сверхсрочником с лихо подкрученными кверху усами. За двенадцать лет усы опустились книзу, заметно увеличилась лысина. Егора Макаровича знает вся пустыня, от Аму-Дарьи до Каспия, от Мангышлака до Кушки. Нет для Егора Макаровича непроходимых

ЬЦА
СОЛНЦЕМ

тельно обошли американцев. Находились спортнвные обозреватели, которые считали победу советских олимпийцев случайностью. Но еще через четыре года блистательно выступившие на стадионах, в спортивных залах и дворцах вечного города спортсмены СССР снова далеко отбросили назад сильную американскую команду. Страна наша прочно утвердила за собой славу великой спортивной державы и олимпийской победительницы.

Мне, имевшему счастливую возможность быть свидетелем успеха наших спортсменов и на летних и на зимних Олимпийских играх, в Кортина, в Риме, в Скво Вэлли, в Тироле, радостно было поздравлять любимцев с их великолепными победами. Но, как азартно ни люблю я спорт, все же, должен сказать, иной раз гордость за наших ребят уступала место другому, родственному ей, но еще более широкому чувству. Это было ощущение могучей и сердечной общности, которая как бы связывала воедино все круги скамей на переполненных зрителями трибунах стадиона, когда тысячи и тысячи людей по-братски делили между собой радость всесветной интернациональной молодой дружбы.

Разве забудешь когда-нибудь, как после героической победы Юрия Власова итальянские болельщики, так называемые тиффози, бросились поздравлять нашего спортсмена и нас, его соотечественников!

Или как весело и дружелюбно смеялся и хлопал стотысячный стадион, когда киевская спортсменка Вера Крепкина, выйдя победительницей и поставив олимпийский рекорд в прыжках в длину, захлопала от счастья в ладоши, а весь стадион подхватил ритм ее хлопков могучей скандированной овацией!

А до чего же радостно было видеть и слышать, как на языках чуть ли не всего мира люди самых различных оттенков кожи кинулись восторженно поздравлять сына Африки, изумительного бегуна Бикилу, вышедшего победителем в олимпийском марафоне — единственном виде соревнований, в честь победителя которого дается пушечный залп!

И не случайно решение олимпийского комитета преградило ныне дорогу в Токио расистам Фервурда из ЮАР. Не удастся человеконенавистникам и фашистам отравить солнечную атмосферу праздника интернациональной дружбы, в котором теперь принимают участие представители уже 98 стран.

Что касается непосредственно спортивных результатов, к которым ведут токийские дороги и под пятью кольцами, то тут я продолжаю твердо верить в богатейшие возможности представителей нашей страны. Они, как говорится, едут в Японию не с пустыми или опущенными руками. И мы вправе рассчитывать на успехи их по многим разделам олимпийской программы.

Но нам хорошо известны также и силы друзей-противников. Ребятам нашим придется, пожалуй, труднее, чем в Мельбурне и Риме. Тяжелая борьба предстоит, например, нашим легкоатлетам. Американские собратья их подготовились с необыкновенной тщательностью и сильны как никогда! Результаты традиционного «матча гигантов» в Лос-Анжелосе не могут не насторожить. Но напрасно думают некоторые зарубежные специалисты, что для советских спортсменов Лос-Анжелос был чем-то вроде Ватерлоо!..

Нет сомнений, что наши легкоатлеты выступали за океаном, еще не достигнув той высшей стадии мастерства и натренированности, на которую они поднялись теперь, к концу сезона. Предолимпийские соревнования блестяще подтвердили это. Советские легкоатлеты будут намного сильнее в Токио, чем были в Лос-Анжелосе. Но, по-видимому, и на олимпийских соревнованиях нашим ребятам придется не раз испытать горечь поражения. Вряд ли, например, можно ждать больших успехов в спринте или в прыжках с шестом. Зато в прыжках в высоту мы имеем все основания рассчитывать на золотую медаль. Неудачу Валерия Брумеля, недавно уступившего совсем не рекордную высоту чемпиону предыдущих Олимпийских игр Роберту Шавлакадзе, можно, мне думается, считать лишь досадным, хотя и весьма назидательным просчетом.

Твердо верю я в успех наших замечательных легкоатлеток. Верится, что и пленительно-изящные, смелые и в совершенстве владеющие всеми элементами мастерства гимнастки наши снова покорят зрителей и, главное, придирчивых судей, как это было в Риме.

Нелегко придется гимнастам: японцы сделают все возможное и, быть может, даже казавшееся пока еще невозможным, чтобы не уступить победу. Но последние выступления на отборочном турнире гимнастов показали, что у нас нет оснований терять и тут надежды.

Огорчительно, конечно, что наш футбольный мяч не докатился до столицы Японии и свернул с олимпийской дорожки еще в Варшаве, где советские футболисты, как известно, проиграли команде ГДР. Но зато имеются прочные основания рассчитывать, что советские мячи — волейбольный, баскетбольный да и тот, пожалуй, что является водоплавающим,— восполнят утрату, понесенную их олимпийским собратом...

Можем мы рассчитывать на большие успехи борцов, яхтсменов, наездников, пятиборцев, боксеров, фехтовальщиков, стрелков, гребцов, да и в плавании, как мне думается, болельщиков ждут большие радости и заслуженные утешения.

Ну, и, конечно, новую славу в отсветах олимпийского пламени завоюют непобедимые советские тяжелоатлеты. Недавний совершенно фантастический рекорд Юрия Власова буквально ошарашил весь спортивный мир. Я убежден, что Юрий Петрович Власов, военный инженер по образованию, литератор по призванию и сильнейший человек в мире, по заслуженной славе своей порадует нас и на помосте в Токио. А у него там будет, кроме зарубежных соперников, и могучий друг-конкурент, соотечественник, великолепный украинский богатырь Леонид Жаботинский. И сильнее этой пары не было и нет сейчас в мире!

Но не будем гадать и предсказывать. Спорт на то и спорт, чтобы каждое большое состязание могло потребовать от человека полной отдачи всех физических и душевных сил в решающее мгновение. Если бы заранее все было наверняка известно до доли секунды, сантиметра и килограмма, спорт потерял бы свой мужественный, боевой дух, дух честного спора и творческой остроты. Но каковы бы ни были результаты в предстоящих состязаниях в Токио, все дороги, ведущие туда, озарены не только огнем олимпийского факела, но прежде всего светом добрых надежд.

Счастливого пути всем, кто следует сегодня этими дорогами!

Т. Щелканова и И. Тер-Ованесян: прыжок в Токио.

Спор Ю. Власова — Л. Жаботинского: чей верх!..

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ И. СОКОЛОВА.

Пловец Г. Прокопенко охотится за золотой рыбкой.

ВЗРЫВЫ НА ГРА

РЕПОРТАЖ ВЕДУТ НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ К. ЧЕРЕВКОВ, Н. АНАНЬЕВ

Лента асфальта убегает из Мурманска и устремляется на крутые гребни холмов, огибает сопки и вновь продолжает свой путь к границе. В небольшом перелеске ее пересекает полосатая линейка шлагбаума. Солдат-пограничник проверяет документы — и вновь путь свободен. Еще несколько километров — и шоссе становится главной улицей лесного поселка. Среди высоких елей под островерхими крышами — коттеджи с большими зеркальными окнами и продолговатые дома-бараки, обшитые светло-желтой сосной. На зданиях в центре — вывески на финском языке: почта, магазин, универмаг, гостиница, школа, клуб, столовые...

Этот небольшой своеобразный городок в лесу появился не так давно, его построили и живут в нем финские рабочие, техники, инженеры, сооружающие для Советского Союза гидростанцию у истоков реки Туломы, близ Нотозера. Верхне-Туломская ГЭС — четвертая по счету станция, которую финны строят для нас. Генеральный подрядчик — государственная фирма «Иматран Войма». Заказчик представлен советской организацией «Туломгэсстрой». Она снабжает стройку некоторыми материалами, строймеханизмами.

Два главных инженера, ведущих строительство, молодой, сероглазый, светловолосый Ахти Торатти и спокойный, неторопливый Олег Краснов, встречаются почти ежедневно. Без делового контакта, взаимной симпатии и уважения, которые питают друг к другу эти два гидростроителя, трудно представить дела на стройке. Им приходится решать технические и организационные вопросы. Хотя все работы ведет финская фирма, но в них участвуют и наши монтажники.

— Такой крупной гидроэлектростанции, как Верхне-Туломская,— рассказывает ветеран электрификации Севера, проработавший в этих краях три десятка лет, Олег Краснов,— еще не строили на Кольском полуострове. И финны впервые возводят сооружения подобного масштаба и сложности.

Инженер Краснов знакомит нас со стройкой, раскинувшейся на берегу Нотозера. Широкий тоннель, пробитый в каменной толще, ведет в глубь огромной скалы. Метров пятьсот идем под уклон навстречу упругому ветру. Натужно урча, поднимаются по тоннелю самосвалы, тяжело груженные скальной породой. Тысячи кубометров камня вынуты из недр скалы, и в ее глубине появился огромный сказочный грот. Здесь сооружается сердце станции — машинный зал. Высота его достигает 36 метров. А над ним еще десятки метров каменной толщи. ГЭС в скале!

Многое сделано уже трудолюбивыми, аккуратными соседями, но еще два года предстоит им жить в поселке на Туломе. Стройка собрала на советской земле людей с разными судьбами, с непохожими характерами, своими взглядами на жизнь. Работа за рубежом сделала своеобразным быт этих людей и даже облик поселка.

Улицы коттеджей, улицы семейных и холостяцких общежитий, а на опушке леса — крохотные домики... на полозьях. Зеленый, тот, что выделяется среди сложенных из желтых некрашеных досок, построил своими руками старый рабочий Александр Мяхёнен. Это было шестнадцать лет назад. Тогда Мяхёнен впервые покинул свою страну и приехал на строительство электростанции в Янискоски. А потом несколько раз финн пересекал советскую границу со своим зеленым домиком на полозьях. Верхне-Туломская ГЭС — четвертая станция, которую строит Александр Мяхёнен.

— Тэрвэтулоа! Добро пожаловать! — приглашает хозяин. Его жена Хельта радушно предлагает посидеть за маленьким столом. В малюсенькой квартире тепло, опрятно. Все эти годы Хельта работала, сейчас же у нее только домашние заботы. Иногда приходится присматривать и за внуком. На Туломе живет ее сын Пертти. Он геодезист, его жена Сейя — служащая. Александр Мяхёнен ведает инструментальным хозяйством в автомастерской.

— Все очень хорошо,— говорит Мяхёнен.— Работы много. Только здоровье немного пошаливает: мне 67! Построим станцию, и уйду на отдых.

Хозяин соседнего домика на полозьях — Аатос Кузьмин. Сын рыбака, по профессии электрик. Однако дом строил сам. В домике живут четверо. У Кузьмина два сына — один родился на Туломе. За чашкой черного кофе Аатос рассказывает о себе. Как и многие работающие на стройке, он родом из Лапландии. Окончил ремесленное училище, работу у себя найти не мог. Доволен, что приняли на строительство Верхне-Туломской! Сложилось все удачно: работа интересная, а и тому же близко познакомился с советскими людьми.

Кауко Раапана — каменщик. Но только половину смены он трудится в тоннеле. После полудня его можно застать в крохотной, сколоченной из досок конторке. Здесь кабинет доверенного лица — человека, избранного рабочими для защиты своих интересов перед фирмой: финский рабочий в конфликтных случаях не может непосредственно обращаться к хозяину.

У Кауко всегда люди. Живой, энергичный, он терпеливо выслушивает товарищей, неторопливо обдумывает, как лучше защитить их права, выиграть тот или другой бой с администрацией. А переговоры вести с ней нелегко. Особенно, когда это касается увольнений или нарушения условий труда. Фирма недовольна настойчивым доверенным Кауко Раапана. Но рабочим он по душе — его избрали вторично.

Удивительно собранный, аккуратный, Кауко выкраивает время и для выпуска тоненького, на трех — пяти листках журнала «Толчки Туломы»: в нем карикатуры, бытовые сценки, хроника рабочей жизни. В углу конторки стоит покрытый полотном ротатор. Кауко сам перепечатывает на машинке заметки и вместе с друзьями печатает журнал на ротаторе.

Люди, живущие в поселке, порой скучают по родным местам. Однако жизнь и работа на советской земле устраивают всех. А госпожа Инкери Салонен, пожалуй, ничего не имела бы против, если строительство продолжится еще добрый десяток лет. Инкери Салонен — глава торгового акционерного общества, в котором компаньонами — ее дочь и зять. В их руках вся торговля, им принадлежат магазины, столовые, киоски.

Когда закончится строительство ГЭС, финские рабочие и специалисты покинут поселок на берегу Туломы. В нем поселятся те, кто станет работать на новой заполярной гидроэлектростанции,— советские люди. В школе, построенной финнами, будут учиться советские дети. А пока в ней занимаются 196 их финских сверстников. Это народная финская школа-восьмилетка. Перед началом уроков — десять минут молитвы. Восьмой год обучения — новшество, введенное в этой школе, в ней очень много времени уделяется практическим занятиям: мальчики учатся столярному делу, девочки готовят обеды,— с детьми о профессиях беседуют взрослые, те, кто строит станцию.

И дети и молодая заведующая Анни Мяинкен очень довольны школой, ее спортивным залом, просторными классами, удобной мебелью.

— Таких школ пока еще мало у нас в Финляндии,— говорит Анни.— Она построена по вашему заказу.

Есть еще одна школа в поселке, в ней учатся вечерами взрослые. Предмет один — русский язык. За столом учителя — советский инженер Лев Ивашень, у доски — ученик, рабочий кладовой финн Матти Сверлов. Он пишет на своем родном языке:

«Мы знаем: солнце всходит на востоке».

И здесь же старательно выводит каждую букву этой фразы по-русски. Оценка — десять. У финнов это наивысший балл, наша пятерка — у них двойка. В этой школе люди разных профессий, возрастов занимаются в одном классе. Одни из них лучше, другие пока хуже знают язык своего соседа. Рабочий Александр Таулиа рассказывает о себе по-русски:

— Я родился в 1917 году. Немного поторопился,— улыбается он,— на полгода раньше вашей революции.

Русский язык изучают не только в этой школе. Русские слова произносят финские друзья, когда встречаются с нашими инженерами, монтажниками, по-русски здороваются ребятишки, встречающие вас на улицах поселка.

Финские строители и советские специалисты, живущие в поселке, общаются не только там, где идет монтаж агрегатов. Год назад на стройке начало работать отделение общества дружбы «Финляндия — СССР». Возглавляет его рабочий Мартти Актели.

— Выгоду от тесной экономической связи между нашими странами,— говорит он,— почувствовали все простые люди. Многие из них получили работу. Мы строим, как видите, для вас даже целые электростанции. Это же прекрасно! Вы ведь могли бы и сами строить их, у вас есть богатый опыт и силы. Да, на Туломе я понял, что значит дружба между нашими народами.

Еще немало нужно сделать финским строителям на берегу пограничной Туломы. Стройка в разгаре. Не редеет поток самосвалов, везущих из глубины тоннеля каменные глыбы, вырванные из толщи горы. Тревожно, предупредительно звучат сирены, и гулкие раскаты взрывов будят тишину на границе. Но взрывы эти никого не тревожат и не пугают. Электростанция, сооружаемая соседями-финнами, даст ток металлургам, химикам, земледельцам Советского Заполярья. Но уже сейчас, когда она еще в строительных лесах и в ее машинном зале нет турбин и генераторов, она дает энергию, которая рождает самое нужное людям на земле — дружбу, взаимопонимание, доверие.

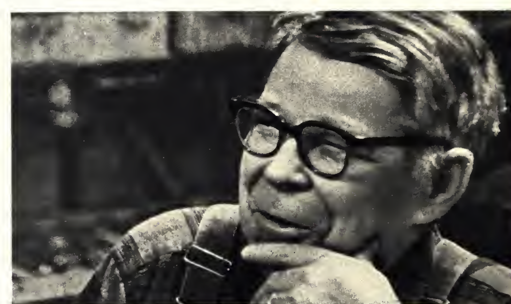
НИЦЕ

Идет монтаж напорных водоводов.

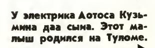

После смены. Финны и русские выходят из тоннеля.

— Все очень хорошо! — говорит старый рабочий Александр Мяхёнен.

У электрика Аотоса Кузьмина два сына. Этот малыш родился на Туломе. ▶

Часто встречаются два главных инженера — финский (слева) Ахти Торатти и советский Олег Краснов. ▶

◀ Пертти, сын Александра Мяхёнена, работает на стройке геодезистом.

Владимир КОБЛИКОВ

З асвежело от росы. Скоро зазорюет, а Настя так и не заснула.

В остуженной предутренником горнице еще душистей запахло травой, какую покойница бабка называла баюнной. Бабка-то и научила свою дочь, Настину мать, класть траву в постель для доброго сна, а мать передала секрет Насте.

В окно со дна вершка ударило сыростью.

Настин дом последний в порядке. Глубокий вершок не пустил дальше деревенскую улицу. Настиным домом она уперлась в макушки деревьев, которые торчат из вершка. Дом большой. Стены его еще не успели заветриться и потемнеть от дождей и снега.

До войны на этом месте стоял тоже большой, завидный дом с резными наличниками и узорчатым фронтоном. Выберешься, бывало, по тропинке из вершка, а перед тобой дом — как в доброй сказке. Его построил дед Насти. Дом с резными наличниками и узорчатым фронтоном сожгли немцы. А этот уже после войны ставил Кирилл. Старался, думал, пойдут у них с Настей дети. Но загад не бывает богат.

Настя пошла за Кирилла не по любви. Вернулся он с фронта — дома никого. И мать, и отец, и две младшие сестры убиты; прятались в погребе, всех сразу и убило снарядом.

Кирилл был соседом Насти и по вечерам заходил к ним в сарай, где они тогда жили, посумерничать. Ходил, ходил, а однажды посватался.

Настина мать (еще жива тогда была) сказала:

— Тебе, Настасья, жить. Сама думай.

Ровно не родная мать, а мачеха сказала.

Проплакала Настя ночь, утро, день. К вечеру Кирилл пришел. Нарядный, с медалями. Сел за стол и стал ждать, что ему Настя скажет. А она молчала. Решился Кирилл, спросил:

— Что же вы мне, Настасья Дмитриевна, скажете, какой ответ дадите?

Настя закрылась руками. Кирилл сделался бледным, будто из воска вылепленный. Хотел встать, уйти, да пересилился и опять заговорил:

— Уж какой ни ответ, а выскажите. Я ведь к вам с открытым сердцем, без темных каких там мыслей. Весь вот тут, как на ладошке. Не люб буду — уйдете. Сам знаю: с постылым в доме и белые стены чернеют...

Жили они четыре года. Жили бы и сейчас вместе, если бы не осколок в Кирилловом сердце. Может, и дети пошли бы у них.

Вдовьи годы долгие, но все равно Настя не успела до бабьего века выйти еще раз замуж. А любовь около сердца гуляла. Да полюбила она слишком молодого. И неверного.

Лет десять назад это случилось. А может, больше... От баб узнала Настя, что приехал в отпуск из армии Васька Голодный. Приехал и приехал. Ей-то что до этого? А когда встретилась с парнем, то почувствовала, что не справится с собой: будто коса былинку, подкосила Настю его красота. Василий подошел к каждому, кто был в клубе, и со всеми «поручкался». Подавая ему руку, Настя покраснела. «Словно девка,— обругала она себя.— Стыд-то какой! Что люди скажут?» Хотела уйти домой, но подумала: «Погляжу, как танцуют, тогда и пойду».

А Василий и пригласи Настю. Она опомнилась только, когда Голодный проводил ее к месту, где сидела до танца. И после казалось Насте, что все смотрят на нее и знают, о чем она думает, слышат, как частит ее сердце...

Настя не глядела на Василия, но видела его все время. Он еще раз пригласил ее на танец. И теперь держал Настю близко, крепко. Надо бы отстраниться от его широкой, литой груди — не могла.

Тут же после танца она пошла домой... Деревня гляделась чужой, незнакомой, звезды стали вдруг ярче и ближе, а от снега почему-то пахло молодой травой.

Ужинать Настя не стала. Разобрала постель. Разделась. Пошла гасить свет. Случайно взглянула в зеркало и стала разглядывать себя. Перекинула за плечи волосы, провела ладонью по лицу, по шее; задела рубашку и оголила белую крепкую грудь. Нет, хороша, ничего не скажешь.

Сначала он постучал в дверь. Настя знала, что стучит именно он, Василий. Еще в клубе она знала, что Василий придет к ней сегодня. Настя зачем-то зажала рот ладонью и слушала. Он еще постучал. Потом скрипнула калитка в палисадинке, захрупел снег под вороватыми шагами — и стук в окно.

— Кто? — спросила Настя...

Накинула шаль на плечи и вышла в сени. Колени обдало холодом.

— Я! — Он говорил тихо, захлебываясь.— Открой!

Настя отодвинула засов и отступила в глубь сеней. Она слышала нетерпеливый стук солдатских каблуков, частое дыхание Василия, короткий лязг засова.

Настя попятилась к дальней стенке. Но он угадал, где она. Нашел ее руками.

— Ох! — тихо испугалась Настя и почувствовала, как на ее голом горячем плече тает колючий снег...

Когда Василий вернулся со службы, то ушел в зятья в соседнюю деревню. Настя его не осуждала: не мог же он жениться на бабе, которой уже за тридцать. Она только боялась встречи с Василием. Обошлось. Шла она из города, а навстречу едет Василий с невестой и родней. Василий от неожиданности остановил лошадь. Побледнел. Отец его нахмурился, досадливо скребнул щетину. А Настя чувства свои скрыла улыбкой, поздоровалась и сказала напевно, по-старинному:

— Совет вам да любовь, радость в детях, достаток.— И поклонилась, как кланяются старые бабы.

Голодный-старший опять скребнул свою серую и жесткую щетину, поблагодарил с поклоном:

— Спасибо тебе, Настасья Дмитриевна.

Никто никогда от Насти худого слова про Голодного не слышал. И ни о ком она не говорила плохо. Может, поэтому и ее не славили, хотя в деревне любили чернить вдов.

...Их деревня, еще в незапамятную пору кем-то ласково названная Сосенкой, забогатела. Свет даже в хлева провели. Старухи к радио пристрастились. Когда-то ребятишки обручи от кадок по улицам гоняли, а теперь им велосипеды-трехколесники, а то и обычные покупают... Клуб на пустыре выстроили, магазин — в деревне. Но недовольные, конечно, все равно есть. Кто нытик по характеру, по дурной привычке, кто смотрит на жизнь, как на праздник. А без будней праздников не бывает.

Есть в Сосенках дома и с настоящей нуждою. Взять, к примеру, Матрену Кошечкину. Семь человек детей у нее, старшей — пятнадцать.

Бригадир часто ставил к Насте на постой приезжих: шоферов, уполномоченных. Изба у нее огромная, чистая. И хозяйка аккуратная. Вдова к тому же.

Бригадир всегда многозначительно сообщал об этом новому постояльцу:

— Определяю вас на постой к вдове. К одинокой.— И как бы между прочим, добавлял:— Женщина чистая.

Иногда Настины временные жильцы приставали к ней. Иногда она уступала. Уступала без ломанья и тихо, как по обязанности.

А чаще говорила:

— Не приставай, нельзя.

Давно никто не жил в «Настиной гостинице». А сегодня утром бригадир отозвал Настю и сказал:

— Жильца на ночку возьмешь?

— Присылайте.

— На работу можешь не ходить. Ступай домой, приберись. Гость важный.

— Прибрано у меня.

— Получше прибрать надо... Вот записка к кладовщику.

— Не нужна мне записка. Свое все есть.

Баюн-трава

Рисунки Р. КУРЧИКА.

— Свое-то своим. Глядишь, и мы с председателем заглянем в гости.

— Найду чем кормить.

...Настя ушла с работы пораньше. Подтерла полы, нарыла молодой картошки, пошла мыть ее. И там, в вершке у ключа, встретилась с Матреной. Кошечкина полоскала белье, ее младший сын играл у воды в камешки.

Настя поздоровалась. Матрена что-то буркнула в ответ и зло подоткнула спадающий подол.

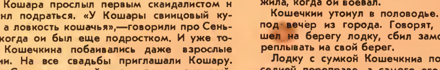
Настя мыла картошку, делая безразличный вид, а думала о Матрениной судьбе-бедоноше.

Жизнь Матренина не задалась с самого замужества. Первой красавицей слыла она в девках. От женихов отбоя не было. А пошла за Сеньку Кошечкина, прозванного с детства Кошарой.

Жилистый, высокий, с ясными и наглыми глазами, он разгуливал по деревне как красивый, но страшный злыдень. Еще мальчишкой Кошара прослыл первым скандалистом и любил подраться. «У Кошары свинцовый кулак, а ловкость кошачья»,—говорили про Сеньку, когда он был еще подростком. И уже тогда Кошечкина побаивались даже взрослые парни. На все свадьбы приглашали Кошару. Если Сенька — званый гость, то он смирный. Только плясал много.

Плясал Кошара всегда под гармошку Федьки-Великана. Великаном Федора звали в насмешку за малый рост. Стыдился Федор своей коротконогости, на люди не показывался и все свободное время «терзал хромку» в чулане.

На одной гулянке заартачился «штатный» гармонист и играть отказался наотрез. Кто-то посоветовал девчатам:

— Девки, а Федьку-Великана попросите: он с темна до темна на гармони музыкант. Может, научился?

Пошли к Федору. Долго упирался он, но потом сдался. Когда услышали люди игру Федора, ахнули. Гармонь его пела звонко, чисто. Федор играл без устали, любовно. И все мог.

В тот раз Сенька впервые приказал Великану:

— Дай-ка «Русскую»!

И от той пляски впервые по-особому забилось сердце Матрены.

Матрена тайком от родных расписалась с Сенькой и ушла из дому, а через два месяца и четыре дня проводила мужа на войну... А еще через три года пришел Сенька домой насовсем. Насовсем потому, что оторвало ему ногу. Драться и без ноги Кошечкин мог, а вот плясать... Запил Сенька. И почти ежедневно, захмелев, допрашивал Матрену, с кем она жила, когда он воевал.

Кошечкин утонул в половодье. Возвращался под вечер из города. Говорят, трезвым. Нашел на берегу лодку, сбил замок и стал переплывать на свой берег.

Лодку с сумкой Кошечкина поймали на соседней переправе, а самого его так и не нашли.

Матрена плакала. Соседки успокаивали ее. Для приличия прикладывали чистенькие платочки к сухим глазам. А когда выходили из пустого, как сарай, Кошечкиного дома, говорили:

— Слава богу, отмучилась.

— И то верно. Такой крест несла!

— Теперь вздохнет.

— Вздохнет? Надумала. С такой оравой!..

«Совсем нелюдимой Матрена стала... За что меня-то так ненавидит?.. Вдова ведь тоже». Настя еще раз окунула плетушку с розоватой картошкой в студеную воду и распрямилась, что-то ласковое захотелось ей сказать Матрене.

Послышался всплеск, меньшой Кошечкин заигрался и упал в омуток.

— У! Ирод! — закричала Матрена. Выхватила испуганного мальчишку из омутка и в сердцах больно ударила его.

— За что ты его? Безвинного лупишь.

Матрена побледнела.

— Жалостливая...

— Капельный ведь еще,— пристыдила Настя.

— Заступница! Посмотрела б я, какая ты стала бы с моей оравой! Отжировалась бы!..

— И десятерым была бы рада,— возразила Настя.— С детьми еще лучше бы жила. Дети— счастье.

— Не бреши! Видать, я от счастья тощая, как щепка, а ты от бездетства гладкая, как...— Матрена от злости не могла придумать, с кем же сравнить Настю. От натуги Кошечкина покраснела.

— Дети—счастье,— виновато и несмело повторила Настя.

— Счастье? Счастье! Вот и наплоди себе этого счастья!

Настя хотела заспорить, не стала. Ее вдруг поразила худоба Матрены. Была она раньше словно налитое яблоко, а сейчас высохла и стала казаться выше ростом. Лицо старое: нужда до времени прочертила глубокие складки у рта, морщин не пожалела, обесцветила глаза, губы.

Маленький Кошаренок отбежал подальше от ключа и зверьком смотрел на Настю. Был он похож сразу и на Сеньку и на Матрену: такой же тощий, тонкошеий, с глубоко запавшими глазами. «Небось, голодный»,— пожалела Настя мальчика и пошла от родника. Она знала, что вслед ей глядят. Идти от этого было неловко.

Настин жилец попросил постелить ему на погребице.

— Извините за такую прихоть,— объяснял свое желание Парешин.— Молодость моя прошла в деревне. Вот и хочется хотя бы на ночку вернуться в прошлое. Поспать на погребице, послушать, как засыпает деревня, как петухи зорьку кличут; дождаться самых ранних шагов и поглядеть, кто след свой на росе оставит: если мужчина,— зазноба другого полюбит; старый человек,— до свадьбы состаришься; молодая женщина,— посулит любовь жаркую, верную. Мужчины, Анастасия Дмитриевна, тоже загадывают.

Настя ушла на погребицу. Стелила постель Парешину и думала о нем. Он нравился ей. Когда он слушал, непременно смотрел в глаза — пытливо, доверчиво. Даже от маленькой радости смеялся до слез.

Настя довольна была, что Парешин не пил с председателем и бригадиром водку. А они приносили. Настя сама видела, как бригадир прятал в сенях бутылки, а после забрал их.

Нравился Георгий Михайлович ей и за то, что не кидал на нее жадных взглядов и никаких таких намеков не делал, а попил с ней чайку, расспросил про родню, про соседей, про деревню. Обо всем она с ним переговорила. О себе, не таясь, рассказывала: о том, что Кирилла не любила, о Василии и о случайных, которых всех бы отдала за одного, настоящего.

«Разоткровенничалась! Чудно,— думала Настя, взбивая подушки,— не спрашивал, а самой рассказать хотелось. Чисто колдун».

Она кликнула Георгия Михайловича и проводила его на погребицу. Перед тем как вернуться в дом, постояла на крыльце.

Деревня засыпала. Только на другом конце ее запоздало светилось несколько окон. Попутный ветер занес в Сосенку прохладу остуженной реки. Слышалась песня. Девчата возвращались из соседнего села.

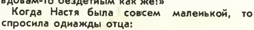
Настя вошла в дом. Убрала со стола. Растворила пошире окна... Разделась и легла... Запахло баюн-травой. Такой же травки Настя положила в постель Парешину. «Наверное, баюнная уже «заговорила». Настя улыбнулась.

Она надеялась, что скоро заснет. Но сна не было.

— Что это со мною?

Настя не узнала своего голоса. «Словно кто другой сказал... Что это я все окна пораскрывала? Дом мой крайний, рядом вершок, а я одна-одинешенька».

Хотела встать и закрыть окна, но отдумала: на погребице Георгий Михайлович. «Хорошо, когда в доме мужчина... А Матрена освирепела совсем. «Наплоди себе этого счастья». Вот скажет! Все от занужденности. А за Парешина я пошла бы».

Прислушалась. Девчата пели уже у самой деревни... «Они народят себе ребятишек. А вдовам-то бездетным как же?»

Когда Настя была совсем маленькой, то спросила однажды отца:

— Тять, а как это мы спим?

Отец почесал затылок и объяснил:

— На полатях в каждой избе Дрема-Кудрема живет, живет — людей усыпляет.

От бессонницы Настя вспомнила отцовские слова. Мысленно позвала: «Где ты бродишь, Дрема-Кудрема? Приходи: спать мне надо».

И поди же, задремала! Даже сон стал сниться... Но не доглядела до конца. Детский голос позвал Настю. Громко и ясно:

— Мам!

Настя вздрогнула, открыла глаза. Темнота. В горнице тихо. За окном тихо. «Почудится же!»

Так больше и не заснула. Вспоминала мать, Кирилла, Василия, думала о себе, о Матрене, о Парешине, о сенокосе, о пропавшей курице. Мысли мешались.

Неожиданно пришло в голову: «Может, Матрена даст меньших своих порастить? А? Попросить? — И сама покачала головой.— Не даст. Какая мать своих детей отдаст чужой...»

Деревня еще сладко спала. Вот-вот загремят подойники, потом пастуший горн затрубит и разбудит ленивых хозяев да чутких стариков. А сейчас самый сон.

Настя постояла на крыльце, ежась от холодного предутренника, посмотрела на погребицу и вспомнила: «Надо по росе пройти, первый след оставить». Сошла с крыльца. Роса обожгла босые ноги.

Когда заревое солнце заглянуло в горницу, Настя уже приготовила завтрак. Постелила расшитую скатерть и стала носить на стол еду, какую сама редко ела: сметану, окорок, яйца сырые, лук. Меду целую плошку в центр стола поставила; огурчиков свежих и малосольненьких принесла, мяса холодного и водки «Особой» бутылку. В запасе была. Оделась в новое. И к зеркалу — прическу поправлять.

Настя постучала накладкой. Парешин не отозвался. Осторожно приоткрыла дверь — погребица пуста. «Неужели уехал? Не простясь... Может, к ключу сполоснуться отправился?» Настя подошла к краю вершка и увидела Парешина. Он поднимался от родника по пояс голый и босиком.

Настя не слышала, но видела по губам, что Парешин напевает.

Поспешила в дом. Смеялась и думала: «Теперь точно видать, что из крестьян. Знает, что роса обужу сжигает. А городской в башмаках бы шел: городской ноги жалеет».

Перестояв в сенях, Настя выглянула на крыльцо и громко позвала:

— Георгий Михайлович? Встал, что ли?

— Встал! Иду... Доброе утро, Анастасия Дмитриевна.

— Доброе... Как спалось?

— Почти не спал я.

— Не спал?

— Не беспокойтесь. Ночь слушал. Думал. О деревне думал. Жалел, что раньше сюда не приезжал.

— И я не спала совсем,— призналась Настя и смутилась.— Первый след на росе углядели?

— Углядел.

Настя потупила глаза.

— Завтракать,— позвала она.

Открыла бутылку, налила стопку гостю и себе чуть плеснула. Парешин о чем-то хотел спросить, но раздумал.

— Ешьте, пожалуйста. Чем богата, тем и рада.

Настя потчевала гостя и с удовольствием смотрела, как он ест: не спеша и не жадно. Сама она только для приличия надкусила огурец. Задумалась... Когда очнулась, несмело сказала:

— Просьба у меня к вам.

— Просьба?— Парешин внимательно посмотрел на Настю.

— Не знаю, с чего и начать... Вдова я... Детей у меня нет... А как без детей-то? Без детей нельзя женщине. Затем и живет она, чтобы человека нового растить. Не родила я себе при муже ни дочери, ни сына. Молодой была — доброе имя берегла: без мужа у нас ребенка иметь позор. В городе другое дело. А теперь время ушло. Ушло и не спросило: достался ли тебе кусочек счастья? Да и кто как счастье понимает. Для меня дети — радость, а для другого — ноша тяжкая... Живу я пустоцветом. А есть у нас на деревне вдовы, у которых по многу детей. Вон, к примеру, Матрена Кошечкина. Семерых растит. Голодные они у нее, разутые. Бьет их. Смотреть на них — глаза слепнут. Взяла бы я меньших Кошарят к себе на воспитание, да знаю — не отдаст их Матрена.— Настя замолчала и стала смотреть в окно.

— Чем же я могу помочь вам? В чем просьба ваша?

— Мне ничего не надо.— Настя покачала головой.— Мне и так все завидуют... Матрене помогите. Поговорите с председателем. Может, садик детский откроет. Сто раз ему говорили об этом. Бездетный он! Сытый голодного не разумеет. Для телят вон какие хоромы выстроил! Для телят! А то дети! Самое дорогое на земле — дети... Станет говорить вам, что денег сейчас на постройку садика нет. Так вы скажите, что, мол, Настя согласна ребятишек в свой дом пустить. Печку только переложить надо, посуды купить. Вот и все затраты. Я бы и возилась с ребятишками. В одной половине играть и спать будут, в другой — кормить их стану. И платы мне никакой за дом не надо, и за уход ничего не возьму.

Парешин пытливо посмотрел на Настю.

— У самого-то, небось, есть дети? — с вызовом сказала Настя.

Глаза Парешина потухли. И сам он весь сник, сжался, постарел сразу.

— Был сын,— еле слышно ответил Георгий Михайлович.— Теперь нету... Погиб...

— Простите,— завиноватилась Настя.

— Надо — значит, помогу,— резко сказал Насте Парешин. И встал из-за стола.

В полдень Настя пришла домой. На улице жарко, душно. Парило, как перед грозой, но небо было чистое.

Настя не стала обедать: в такую жару кусок в рот не идет. Взяла ведра и спустилась в вершок, к ключу. Озираясь опасливо по сторонам, сняла кофту и стала плескать пригоршнями на плечи, на грудь, на спину студеную и светлую воду.

Потом намочила кофту. Выжала ее, с трудом натянула на себя. Пока дошла до дому, кофта почти высохла.

Посредине горницы Настя бросила ватник, на ватник — подушку и легла прямо на голые доски: так прохладнее... Сон в жару крепкий, уморный. Настя разметалась, разрумянилась во сне. Она не слышала, как подъехала к ее дому машина, не слышала стука в дверь; в это время ей снилась скачущая лошадь.

Парешин вошел в горницу и остановился. С минуту он стоял и глядел на Настино лицо, потом вышел из горницы и позвал:

— Анастасия Дмитриевна!

— Кто это? — испугалась Настя.

— Парешин.

— Ох! Сейчас я...

Парешин все медлил и не садился в машину. Наконец взглянул на неподвижную, будто окаменелую спину шофера и заспешил.

— До свидания, Анастасия Дмитриевна.

— Прощайте,— тихо сказала Настя...

Машина тронулась с места и тут же остановилась. Парешин приоткрыл дверцу. Настя шагнула к нему.

— Забыли что?

— Как называется та трава, которую вы под подушку клали?

— Баюнная. Баюн-трава.

— Не слыхал про такую.

— Бабка моя так ее окрестила, а может, и не она. Только из всей деревни в одном нашем доме траву эту знали и называли баюнной.

— Ну, счастливо вам оставаться.— Парешин поднял руку и захлопнул дверцу.

Настя стояла и смотрела, как гонится за черной лаковой машиной пыль от пересушенной солнцем дороги. Глаза у Насти были растерянные и печальные, как у всякого доброго человека, когда тот провожает в дальнюю дорогу другого человека, и тоже доброго.

Вдруг, вспомнив, она всплеснула руками:

— Что же я пучок баюн-травы не дала ему с собой?

Калуга.

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРОФЕССИИ

Династия расклейщиков афиш

Фото В. Джейранова.

Они появились в Тбилиси сразу, сто одинаковых цементных тумб. И тотчас замаячила на улицах города фигура с кистью, с ведром, наполненным жидким крахмалом, и бумажным свитком под мышкой. В 1904 году Павел Налбандян стал расклейщиком театральных и цирковых афиш. Что-то более важное, чем материальная заинтересованность, заставило его бросить доходное сапожное ремесло и приворожило к новому делу.

Важный и молчаливый, выходил он под вечер в город со своими причиндалами и, невзирая на недуги, скверную погоду, на грозные события, волновавшие город, двигался от тумбы к тумбе. Ему нравилось брать цветастую афишу в руки, разворачивать ее и неторопливо вчитываться в длинное, витиеватое приглашение. Как истый театрал, он хорошо разбирался, где ему следует позаботиться о контрамарке, а где «игра не стоит свеч». Были любимые афиши, которым он выбирал лучшие места, чтобы обратить на них внимание горожан.

Прошло полвека. Город вырос в несколько раз. Театров стало больше. На рекламных щитах все больше места стала занимать спортивная, клубная афиша. А гастролеры? Из каких только заморских стран не наведывались они в город! Старый Налбандян и не слышал раньше об этих странах...

Тяжелым стал и свиток под мышкой. Правда, Павел Асатурович давно уже не один, но среди расклейщиков считался старейшим. Ему перевалило уже за восьмой десяток, когда в Тбилисском Доме работников искусств были устроены торжественные проводы патриарха расклейщиков на пенсию. Пришли друзья по работе, знакомые, работники театров и представители спортивных организаций. После чествования состоялся концерт, единственный, о котором он уже не оповещал, являясь сам как бы его «виновником».

Потом он уехал в селение, на покой. И странным казалось, что больше не будет маячить его сутулая фигура с кистью и ведром на улицах левобережья Куры, где его знал каждый старожил.

Но не успел он уйти, как буквально на следующий день у рекламных щитков появилась его копия — сын Николай. Еще в двадцатых годах, мальчиком, он начал помогать отцу, потом получил небольшой самостоятельный участок в другом конце города. Теперь занял место Налбандяна на левобережье, в густонаселенном центре. Как будто никто и не ушел со сцены...

Николай Павлович Налбандян расклеивает афиши уже почти сорок лет. Но в последние годы он сменил пеший способ передвижения на мотороллер. В его ведении стало 46 рекламных пунктов. Ему полагается вполне законный помощник. И, конечно, до последнего времени это был его сын Леван, Налбандян III. Правда, морская служба прервала на какой-то срок традиционное дело семьи.

А дом Налбандянов по-прежнему знают все театральные и спортивные администраторы. Сюда можно явиться хоть среди ночи с задержавшейся в типографии пачкой. Николай Павлович встанет, наденет фартук, разведет крахмал. Афиша не должна опаздывать. К утру город должен ее иметь так же, как имеет свежую газету или свежевыпеченный хлеб.

Ия МЕСХИ

В. Косенков. У ПРИЧАЛА.

В. Васин.

СТАДИОН В МУРМАНСКЕ.

В. Пастухов. ВЕСТИ С ЗЕМЛИ.

В. Чулович. МУРМАНСК СТРОИТСЯ.

Л. Шиповский. В ПОРТУ.

В. Филимонов. СТАРШИЙ МОТОРИСТ ТОКБЕРЧЕНОВ.

А СЕВЕР-ТО НЕ СЕДОЙ!

Шестерной северян называют теперь эту творческую группу. Север объединил их — художников разных биографий, разных поколений.

Василий Косенков и Лев Шиповский познакомились в 1945 году в Москве, в живописных мастерских Суриковского института. Шиповский в годы войны защищал город Ленина, участвовал в прорыве кольца блокады и теперь вернулся к прерванным занятиям — до войны он был студентом Ленинградской академии художеств. Василий Косенков воевал на берегах Волги и сейчас хотел рассказать людям, как дороги сердцу солдата мирные родные пейзажи.

В одно время с Косенковым и Шиповским был студентом Суриковского института Виктор Васин.

Быстро идут мирные годы. Лев Николаевич Шиповский — автор множества картин о людях труда, кандидат искусствоведения, преподаватель Суриковского института. Совсем недавно его студентом был Владимир Пастухов. Всеволод Филимонов учился у Виктора Васина в Московском институте прикладного искусства.

Когда Союз художников предложил творческую командировку в Мурманск, первой откликнулась эта шестерка.

Но Север не только романтика. Часто шел дождь пополам со снегом, да еще ветер, студеный, резкий. Порой, добираясь до места работы, привязывали к себе холст или тащили его вдвоем, чтобы не унесло ветром.

Писали мурманский порт, знаменитый Абрам-мыс, весь в новых заводах, причалах, верфях. Косенков с Чуловичем съездили и в порт Владимир, где высятся апатитовые скалы.

Шиповский и Васин уходили в город, к новым кварталам.

— В тот «Вечер»,— рассказывает Шиповский,— поразил меня мягкий, теплый бархат мурманских сумерек. Хотелось, чтобы и другие удивились этой неожиданной бархатистости.

Мимо мурманского стадиона ходили десятки раз. Но лишь Виктор Васин увидел, как хорош «Стадион в Мурманске».

Филимонов отправился в рыбачий поселок Териберку, где в Доме межрейсового отдыха моряков познакомился с капитаном парохода «Угра» — молодым, двадцатипятилетним парнем. Подружились сразу.

— На другой день я уже был на корабле,— рассказывает художник,— делал эскизы для будущих портретов. Переписал всю команду. Замечательные они ребята! Случилось, сильная волна опрокинула шлюпку с грузом. Не задумываясь прыгнул в ледяную воду на помощь товарищам старший моторист Александр Тонберченов. Это не считается здесь геройством — дело обычное. Однако товарищам очень хотелось, чтобы именно Сашин портрет вышел лучшим.

Владимир Пастухов из Мурманска на траулере вышел в море. В минуты трудового аврала откладывал художник этюдник и помогал рыбакам добывать богатый улов. И героев своих, мужественных, молчаливых, сильных, писал в трудовой обстановке морского похода.

Столетиями привыкли люди думать: Север — значит край суровый. Само слово это сделалось постоянным эпитетом. А вот теперь картины, что привезли из Мурманска шестеро московских художников, говорят: пора менять эпитет.

Эльвира ПОПОВА

Ф. Ф. РАСКОЛЬНИКОВ

РЕВОЛЮЦИЯ, ДЕНЬ ТРЕТИЙ...

Братья-революционеры: мичман Ф. Ф. Ильин (Раскольников) и прапорщик А. Ф. Ильин (Женевский).

Небольшое сообщение, напечатанное в газете «Известия» за 20 июля 1939 года, было озаглавлено коротким словом: «Хроника». В нем говорилось о том, что «17 июля с. г. Верховный Суд Союза ССР рассмотрел дело о бывшем полпреде в Болгарии Раскольникове Ф. Ф. и... объявил Раскольникова Ф. Ф. вне закона». А вскоре Ф. Ф. Раскольников пишет открытое заявление Сталину «Как меня сделали врагом народа». В нем он разоблачает неслыханный произвол и ничем не оправданные репрессии Сталина по отношению к верным соратникам Ленина, видным деятелям Октября и гражданской войны, активным работникам партии и правительства. Особенно его тревожило то, что накануне явно приближающейся войны с фашизмом Сталин истреблял ни в чем не повинных руководителей Красной Армии и Военно-Морского Флота, ослабляя этим Советские Вооруженные Силы. Ф. Ф. Раскольников прямо и откровенно заявлял о том, что Сталин в «Кратком курсе» фальсифицировал историю большевизма, что он в этой книге обокрал мертвых, убитых и опозоренных им же людей и присвоил себе все их подвиги. Письмо заканчивалось твердой уверенностью в том, что рано или поздно культ личности Сталина будет разоблачен и осужден как явление, чуждое марксизму-ленинизму и коммунизму.

Федор Федорович Раскольников — легендарный герой Октября и гражданской войны. В партию большевиков он вступил в 1910 году, будучи студентом Петербургского политехнического института. Активно сотрудничал в большевистской газете «Звезда». Был секретарем «Правды». В годы первой мировой войны по воле партии становится моряком — поступает в гардемаринские классы. Февральскую революцию встречает в звании флотского офицера. Петроградский комитет посылает его в Кронштадт. Он становится редактором местного большевистского органа «Голос Правды», одним из руководителей партийной организации крепости.

В бурные дни лета и осени семнадцатого года Раскольников во главе революционных матросских масс выполняет поручения Центрального Комитета партии, лично Ленина. Накануне вооруженного восстания едет в Новгород и Лугу. Через эти пункты шли войска, вызванные Временным правительством в Петроград. Потом Смольный. Снова поручения Ленина.

Восемнадцатый год. Раскольников выполняет ответственное задание Ленина. Принимает участие в потоплении боевых судов Черноморского флота, чтобы они не попали в руки врага. Затем Волга. Он командующий только что рожденной флотилии. Бои за взятие Казани. Походы вместе с наступающими войсками Красной Армии по Каме. Первый орден Красного Знамени.

В девятнадцатом и двадцатом годах на Каспии он командовал флотилией. Под его руководством моряки оказали помощь трудящимся Баку в освобождении города, успешно громили белогвардейцев и англичан. Затем блистательная операция по ликвидации вражеских сил в Энзели. Высокая оценка Ленина. Второй орден Красного Знамени. Он снова в Кронштадте, командует Балтийским флотом.

Отгремела гражданская война. Раскольников на дипломатической работе. Полпред в Афганистане. Через три года снова Москва. Он редактирует журналы «Молодая гвардия», «Красная новь». Затем — председатель Главрепертнома, начальник Главискусства. Пишет пьесы, книги о моряках в революции, о гражданской войне.

Снова дипломатическая работа. Эстония. Дания. Болгария. В Болгарии его застают репрессии периода культа личности Сталина. Он с тревогой наблюдает, как в результате беззаконий и произвола Сталина бессмысленно гибли в Советском Союзе лучшие люди партии, многих из которых он знал лично. Он стал замечать, что и за ним следят агенты Ежова—Берия. Уже находясь во Франции, Ф. Раскольников узнает, что на Родине он объявлен «врагом народа». И тогда в сложной и трудной обстановке он решает начать борьбу с культом личности Сталина.

Раскольников до конца своей жизни был настоящим ленинцем, верным патриотом Родины, бесстрашным бойцом большевистской партии. Он умер во Франции 12 сентября 1939 года.

Недавно по приглашению Союза советских писателей нашу страну посетила супруга Федора Федоровича — Муза Васильевна Раскольникова с дочерью Музой Федоровной. Она передала Центральному государственному архиву литературы и искусства рукописи своего покойного мужа, над которыми он работал в последние годы своей жизни, находясь за рубежом.

В литературном архиве Федора Федоровича есть интересные наброски его воспоминаний о днях революции и гражданской войны, разнообразные записки литературоведческого характера. Раскольникова интересовали материалы из биографий Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Горького. Он написал немало стихов, переводил болгарских поэтов, на сцене шли его пьесы, в том числе инсценировка по роману Л. Толстого «Воскресение» в МХАТе и «Робеспьер» в Ленинграде и Париже, он делал наброски для будущих пьес. Материалы архива говорят о многосторонних литературных интересах Ф. Раскольникова.

Редакция публикует отрывок из задуманной Ф. Раскольниковым книги воспоминаний о днях революции и гражданской войны. Отдельные факты, упоминаемые здесь, были использованы в книгах, которые вышли много лет назад и являются сейчас библиографической редкостью.

В. ТИХОМИРОВ

Трехтрубный крейсер «Аврора» легко отдал швартовы, медленно отошел от стенки Франко-русского завода, развернулся и стал на якорь среди Невы, у Николаевского моста.

Министры Временного правительства, охраняемые в Зимнем дворце безусыми юнкерами и ударницами[1], с тревогой смотрели на «Аврору» сквозь зеркальные стекла.

— Что грозит дворцу, если «Аврора» откроет огонь? — спросил министр юстиции Малянтович[2].

— Он будет обращен в кучу развалин,— спокойно ответил морской министр адмирал Вердеревский[3],— у нее башни выше мостов. Может уничтожить дворец, не повредив ни одного здания. Зимний дворец расположен для этого удобно. Прицел хороший.

Правая щека адмирала задергалась от нервного тика...

После выстрела по Зимнему дворцу с верков Петропавловской крепости «Аврора» дала холостой залп из шестидюймового орудия.

— Это что? — испуганно спросил министр.

— Это с «Авроры»,— сказал Вердеревский.

Когда принесли стакан снаряда, пробившего стену дворца, то министры с любопытством и трепетом разглядывали его.

— С «Авроры»,— уверенно ска-

[1] Те, кто входил в состав женского ударного батальона.

[2] Малянтович П. Н. — меньшевик, с сентября 1917 года министр юстиции Временного правительства.

[3] Вердеревский Д. Н. — контр-адмирал, с августа 1917 года морской министр Временного правительства.

зал Вердеревский и поставил тяжелый стакан на стол.

— Пепельница нашим преемникам,— ядовито добавил кто-то.

Через несколько часов Зимний дворец был взят лихим натиском рабочих-красногвардейцев, егерей, семеновцев, преображенцев, финляндцев, волынцев и павловцев[4], матросов Второго Балтийского и Гвардейского экипажей.

— Поздравляю! Социалистическая революция началась! Зимний дворец взят, и весь Петроград в наших руках,— торжественно возвестил утром 26 октября мой брат[5], входя в комнату, где я лежал, простуженный на лекции в дощатом цирке «Модерн».

Я тотчас вскочил на ноги, мысленно послал к черту лечение и с высокой температурой полетел в Смольный.

В комнате номер 85, за белой, выкрашенной масляной краской дверью с надписью «Военно-Революционный Комитет» я встретил Владимира Ильича Ленина.

Как непривычно было видеть его без бороды и усов, сбритых в подполье.

— На Петроград наступают вызванные с фронта самокатчики,— сказал Подвойский.

Военно-Революционный Комитет командировал меня на Варшавский вокзал встретить самокатчиков и присоединить их к восставшему Питеру.

В соседней комнате, где секретарь Комитета Сергей Иванович Гусев[6] устроил канцелярию, на бланке Военного отдела Исполкома Петросовета был от руки написан мандат:

«Военно-Революционный Комитет делегирует товарища Раскольникова для встречи войск, прибывающих с фронта, на Варшавский вокзал и назначает его комиссаром прибывающих войск».

Мандат подписал Подвойский.

На Варшавском вокзале я самокатчиков не нашел, пассажирским поездом выехал им навстречу, сошел в Гатчине, но и здесь никаких самокатчиков не было.

С первым попутным поездом я в сумерках вернулся в Петроград.

Доложив Военно-Революционному Комитету о результатах поездки, я пошел на заседание Второго съезда Советов.

В актовом зале Смольного института, как на блестящих балах, к которым привыкли его белоснежные стены, ярко горели хрустальные люстры и бронзовые канделябры.

Товарищ Ленин сидел в президиуме...

На заседаниях меньшевистско-эсеровского ЦИКа и на Первом съезде Советов «выпирала» интеллигенция, блестели погоны офицеров и военных врачей, раздавались иностранные слова и слышались парламентские обороты. А здесь бросался в глаза народный, рабоче-крестьянский состав съезда.

Слово имеет товарищ Ленин!

Владимир Ильич с бумагами в руках скромно выходит на высокую кафедру, заложив руки в карманы, прищуренными глазами оглядывая зал, и просто, без малейшего пафоса читает исторические декреты о мире и о земле.

Депутаты встают и с вдохновенным энтузиазмом, с криками «Ура!», с пением «Интернационала» неистово бьют в ладони.

Поздним вечером мы с Рошалем[7] вышли из Смольного на двор, разыскивая автомобиль. Крепкой походкой к нам подошел Володарский и, взяв нас под руки, взволнованно сказал:

— У меня к вам дело, пойдемте!

Он подвел нас к закрытому автомобилю, и мы поехали в казармы Егерского полка. Володарский сказал, что нужно «раскачать» егерей, которые выступают на Царскосельский фронт.

В казарме мы попросили дежурного разбудить членов полкового комитета и ротных представителей. Круглые стенные часы показывали два ночи. Собралось около пятидесяти человек.

Товарищ Володарский в талантливой речи обрисовал политическую обстановку, ознакомил с декретами о мире и о земле, а потом, подчеркнув критическое положение революции, призвал Егерский полк к защите социалистических завоеваний.

После выступлений Рошаля и моего товарищи разошлись по ротам, поклявшись немедленно вывести полк на позиции.

Ранним утром егеря организованно выступили на фронт.

27 октября я зашел в штаб военного округа и сразу попал в кабинет Чудновского[8], который, отбрасывая назад падавшие на виски волосы, измученный и счастливый, выбежал мне навстречу. С рукой на перевязи от полученной раны, нервный, необычайно подвижный, он ни минуты не оставался в покое. Едва подписав какую-нибудь бумагу, он спешил к телефону или бросался к ожидавшим его посетителям.

Чудновский был героем революции, рыцарем без страха и упрека. Вдумчивый и осторожный, он никогда не терял трезвости и равновесия политического бойца... Всю жизнь я буду помнить лицо Чудновского, бледное от непрестанного внутреннего горения, с каплями пота на высоком лбу, еще не успевшем остыть от творческого жара.

Через год он погиб на Южном фронте.

Какой-то поручик Измайловского полка, стоя навытяжку перед Чудновским, получал инструкции. Его командировали в Гатчину.

Меня тоже тянуло на боевой фронт: мне казалось, что в Петрограде нечего делать. Чудновский поручил мне проверить, что делается в окрестностях. Закрытый «фиат», глухо стуча мотором, ждал у подъезда.

Сперва мы заехали в Измайловский полк. Как сонные мухи, бродили растерянные офицеры.

Мы не нашли в казарме ни одного члена полкового комитета: старые члены комитета разбежались, а новые не были избраны.

Мимо Нарвских ворот и Путиловского завода мы поехали в Гатчину. По осеннему небу медленно плыли серые облака. В поле желтели стога неубранного сена. Промозглый ветер остервенело трепал картофельную ботву. В Красном Селе выбежавшие на дорогу солдаты остановили автомобиль.

— Скоро ли нас отправят против кадетов?— нетерпеливо спрашивали солдаты 176-го полка.

В Царскосельском штабе полковник Вальден, передававший по телефону свои приказы, хромая и опираясь на палку, вышел из-за стола и с горечью сказал, что старые штабные офицеры разбежались. Поддержанный солдатами гарнизона, он готовил оборону Царского от наступавших из Гатчины банд Керенского и Краснова.

Я оставил на помощь Вальдену измайловского офицера, а сам в автомобиле товарища Ульянцева[9] поехал с докладом в Петроград.

Мы ехали с зажженными фарами в смутных вечерних сумерках под частым и мелким дождем, брызгая по сторонам жидкой грязью. Через полчаса мы остановились перед штабом военного округа, где ярко были освещены все окна.

Под председательством Подвойского в одной из комнат шло заседание военной организации большевиков. Мы с Ульянцевым сделали доклад о фронте. Было решено послать туда красногвардейцев с броневиками и спешно сформировать новые рабочие отряды.

После заседания меня вызвал товарищ Ленин. Он сидел в просторной и пустой комнате штаба, на конце длинного, ничем не покрытого стола. Перед ним лежала развернутая карта окрестностей Петрограда.

— Какие суда Балтийского флота вооружены самой крупной артиллерией?— спросил меня Владимир Ильич, отрываясь от карты.

— Дредноуты «Петропавловск», «Гангут», «Полтава» и «Севастополь». Они вооружены двенадцатидюймовой артиллерией в башенных установках, не считая более мелких орудий.

— Хорошо,— нетерпеливо продолжал Ленин,— если понадобится обстреливать окрестности Петрограда, то можно ли их ввести в Неву? А если нет, то где их можно поставить?— спросил он, внимательно разглядывая карту. Потом он пристально впился в меня прищуренными глазами.

— Глубокая осадка линейных кораблей,— сказал я,— и мелководье Морского канала делают эту операцию возможной только в случае большой прибыли воды в Морском канале.

Владимир Ильич недовольно покачал головой.

— Каким же образом можно организовать оборону судами Балтфлота?— спросил он, откидываясь на спинку стула и закладывая большие пальцы обеих рук за борта жилетки. От этого жеста его широкая грудь стала еще более выпуклой.

Я предложил поставить линейные корабли на якорь между Кронштадтом и устьем Морского канала для защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу.

И Владимир Ильич заставил меня пальцем показать на карте сектор обстрела разнокалиберной артиллерии.

И он еще долго изучал карту, обдумывая способы обороны Петрограда со стороны Финского залива.

— Вы знаете, что Гатчина взята белогвардейцами?— с тревогой сказал Владимир Ильич.— Позвоните по телефону в Кронштадт и распорядитесь о срочном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Надо мобилизовать всех до последнего человека: революция в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим исключительной энергии, Керенский и его банда нас раздавят.

Американский журнал «Лайф» опубликовал статью старшего тренера сборной команды легкоатлетов СССР Гавриила Коробкова. Советский тренер проанализировал результаты последнего матча США—СССР и «предупредил» легкоатлетов США, что советские спортсмены выступят сильнее на Олимпийских играх, чем в Лос-Анжелосе. «Мы будем в Токио в наилучшей форме,— пишет Г. Коробков.— Вы в этом убедитесь».

Корреспондент «Огонька» А. Сербин связался по телефону с главным тренером американской команды легкоатлетов Робертом Гигенгаком и задал ему несколько вопросов.

---

4 Здесь перечисляются части, солдаты которых участвовали в штурме Зимнего.

5 Ильин-Женевский А. Ф. (1894—1941) — активный участник Октябрьского вооруженного восстания и гражданской войны. Позже — известный шахматист. Погиб в 1941 году под Ленинградом.

6 Гусев С. И. (1874—1933) — профессиональный революционер, старейший большевик.

7 Рошаль С. Г. (1898—1917) — один из руководителей Кронштадтской организации большевиков. Активный участник Октябрьского вооруженного восстания. Погиб в 1917 году на Румынском фронте.

8 Чудновский Г. И. (1894—1918) — профессиональный революционер. В Октябрьские дни член Военно-Революционного Комитета. Один из руководителей штурма Зимнего дворца.

9 Ульянцев Т. И. (1888—1919) — матрос Балтийского флота. Один из руководителей Кронштадтской организации большевиков.